

Елена Райгос

ИГРА В РЕАЛЬНОСТЬ ОХОТА НА ДРАКОНА

16+

Игра в Реальность

Елена Райдос

**Игра в реальность.
Охота на дракона**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Райдос Е.

Игра в реальность. Охота на дракона / Е. Райдос — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Игра в Реальность)

Борьба двух ипостасей, добра и зла - тема не новая. С раннего детства нас учили, что силы добра обязательно побеждают, как бы им ни приходилось туго в процессе борьбы. Но у Игры в Реальность свои правила. Начать с того, что никто не сможет чётко разделить эти два понятия и даже определить критерии, по которым происходит разделение. Можно ли, к примеру, назвать победой добра убийство злодея? И насколько предопределён исход этого вечного противостояния? А что если добро, несмотря на всё своё могущество, настолько неагрессивно, что не в состоянии проявить агрессию даже ради самозащиты? А зло, напротив, отбросив эмоции, хладнокровно претворяет в жизнь свой коварные замыслы? Вы по-прежнему уверены, что знаете, чем всё закончится? Это вторая книга из серии «Игра в Реальность».

© Райдос Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть 1. Жертва	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	49
Часть 2. Палач	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Часть 1. Жертва

Полянка была совсем маленькой, просто небольшой пяточок зелёной травы, окружённый плотной стеной высоких лохматых елей. Наверное, сверху она выглядела так, будто кулак великана пробил дырку в толстом еловом ковре. В самом центре поляны было раскидано несколько больших серых камней, напоминающих скорее древнее капище, чем прихоть природы. Уже смеркалось, и язычки костра, укрытого между камнями, заставляли тени менгиров плясать странный уродливый танец на траве лужайки. У костра, спрятавшись от ветра за самым большим камнем, сидел человек, одетый в бесформенный плащ с капюшоном, полностью скрывавший его фигуру. Капюшон был так низко надвинут на лицо, что можно было разглядеть только длинную седую бороду и тонкие губы, сложившиеся в саркастическую усмешку.

– Она должна прийти,– как заклинание шептал человек в плаще,– она просто не может не клюнуть на наживку, которую я ей оставил.

Мысленно он представил себя хищным матёрым пауком, поджидающим, когда непутёвая муха коснётся лапкой липкой паутины, и усмехнулся.

– Глупые, никчёмные мухи, они всегда суют свои жадные лапки во всякое дерьмо, стоит только повесить табличку с надписью «повидло»,– думал паук, отстранённо наблюдая, как оранжевые язычки пламени лакомятся еловыми шишками, громко хрустя и чавкая. – А эта к тому же типичная блондинка. Муха – блондинка. Это даже забавно. Лети ко мне, милая, прямо в паутину, я жду тебя.

И она пришла. Совсем юная девушка с головкой, усыпанной золотистыми кудряшками, отогнула ветку ели и нерешительно ступила на траву лужайки. Паук не сделал ни единого движения ей навстречу. Не дело истинному охотнику трепетать при виде жертвы, пусть муха как следует увязнет в паутине, тогда и придёт черёд острому ядовитому жалу.

– Извините,– позвала девушка,– я, кажется, заблудилась.

Человек у костра откинул капюшон, синей молнией полыхнули отблески костра в его глазах. Он улыбнулся гостье доброй отеческой улыбкой. Ловушка захлопнулась.

Глава 1

Серые осенние сумерки потихоньку вползали через балконную дверь, заливая всё пространство гостиной неверным сизым светом. Длинные тёмно-синие тени вальяжно разлеглись на полу и стенах комнаты, размывая контрастные краски и сглаживая формы. Двое мужчин, неподвижно сидящих за столом напротив друг друга, словно бы погрузились в этот сумеречный раствор, отделивший их от остального мира. Наверное, пора было включить свет, но ни хозяин, ни его гость об этом даже не задумались. Мысли обоих витали далеко отсюда, и были те мысли весьма безрадостные.

В квартире Антона вообще было не очень уютно. В последние пару лет они с Алисой здесь практически не бывали. Всё их время теперь было посвящено «ангелочкам», как они ласково называли обитателей своего нового мира. После гибели прошлого ангельского мира прошло уже больше пятисот лет, и Антон долго не мог решиться вернуться к своему раннему проекту. Но природа Создателя всё-таки взяла своё, и теперь они с Алисой постоянно были заняты, подтирая носы ангельской малышне.

Впрочем, сервисная магия в их московской квартире продолжала исправно поддерживать чистоту в комнатах и наполнять холодильник всем необходимым, так что жаловаться на пыль или отсутствие еды и напитков не приходилось. Но ведь дом – это гораздо больше, чем идеальный порядок и накрытый стол, это ещё и люди с их мыслями и настроениями, создающими уникальную ауру, которую мы называем просто уютом. Увы, сейчас в квартире Антона царила аура гостиницы, куда хозяева изредка заезжают на пару дней по делам.

Наверное, поэтому Вертер в последнее время старался сюда не заглядывать, он предпочитал встречаться со своим другом в его мире под смешным названием Дача. Вот там было по-настоящему уютно. В большом деревянном доме находилось место для всех, а на открытой веранде каждый вечер устраивали чаепитие с настоящим самоваром и душевными беседами. Но сегодня бывшему Охотнику было не до веселья, он сидел за столом напротив хозяина и тупо пялился на рюмку коньяка, к которой так и не притронулся. Тягостные известия, принесённые Антоном, буквально придавили бывшего вояку, как мешок с песком.

– Мне нужно было довериться твоей интуиции, Вер, – каялся горе-Творец. – Это моя вина, что всё зашло так далеко.

– Тоха, а ты уверен, что эту подлянку устроил именно твой брат? – обречённо спросил Вертер. Он всё ещё надеялся на ошибку, хоть и понимал, что друг не стал бы попусту его пугать.

– Судя по виртуозной технике и убойной силе, это точно его работа, – вздохнул Антон. – Сабин каким-то образом смог вырваться из стасиса и отыскать твою дочь.

Вертер не так уж много знал о стасисе, чтобы судить о том, насколько надёжным было добровольное заточение Антонова брата. Но все Творцы, включая самого Антона, похоже, ничуть не волновались, считали, что их бывший собрат уже никогда больше не покинет своей виртуальной тюрьмы. И просчитались, недооценили коварство отступника.

– Разве можно взломать стасис изнутри? – Вертер понимал, что просто хватается за соломинку, но остановиться никак не мог.

– Нельзя, – легко согласился Антон, – ему кто-то помог. Мы обязательно выясним, что произошло, но сейчас речь не об этом. Вер, та паразитическая программа, которую Сабин внедрил в сознание Дали, будет пытаться тебя убить. Нам нужно подумать о твоей безопасности.

– Плевать мне на мою безопасность, – взорвался Вертер. – Что будет с моей девочкой?

– Если б у меня было хоть немного больше времени, я бы нейтрализовал паразита без последствий, – Антон с жалостью посмотрел на друга. – А сейчас, боюсь, уже слишком поздно. Прости меня, друг.

Вертер встал из-за стола и вышел на балкон. Ему показалось, что он задыхается, что если не глотнуть холодного осеннего воздуха, то сердце его остановится, и он просто умрёт прямо тут, на полу чужой квартиры. «Поздно! Поздно!» – стучало в висках. Такого просто не могло быть. Ведь только неделю назад Тоха сам же смеялся над его страхами и жалобами на странное поведение дочери, убеждал, что у Вертера просто глюки, что после смерти матери стресс у ребёнка – это нормально. Нужно только немного времени и ласки, и рана затянется. А теперь говорит, что его Дали обречена. Слишком поздно.

Жену Вертера Ани похоронили месяц назад. Её смерть была странной и внезапной. Несерьёзная поначалу простуда быстро перешла в бронхит с мучительным кашлем, не дававшим уснуть ни ей самой, ни домочадцам. На третью ночь мучений Ани приняла снотворное и наконец заснула, а наутро её уже не стало. Отёк лёгких случился во сне, и Вертер, тоже практически не спавший двое суток, даже не заметил, как его жена перестала дышать.

Была ли смерть матери стрессом для Дали? Ну ещё бы. Девочка очень её любила, и потеря больно ударила по её неокрепшей психике. Но Дали как-то справилась, а вот для самого Вертера потеря жены неожиданно оказалась ударом куда более сильным, чем он мог ожидать. Его, закалённого воина, не раз убивавшего и смотревшего в лицо смерти, скрутило как щенка. Он шёл за гробом Ани наполовину седой, хотя ему ещё не было и пятидесяти. За всё время, пока проходили похоронные ритуалы, Вертер так и не смог пролить ни слезинки, боль утраты душным комком стояла в горле, не давая дышать и думать. И тогда именно Дали вытащила своего любимого папочку из чёрного омута горя и тоски. Ей тоже было больно, но малышка сумела справиться со своими чувствами. Она оказалась на удивление сильной, даже сильнее, чем её героический отец.

Когда Ани не стало, Дали, видя подавленное состояние отца, взяла на себя роль хозяйки дома. Школу в Убежище, где она училась уже второй год, пришлось отложить, так как папочке требовалось всё её внимание. Она интуитивно чувствовала, что Вертеру нельзя оставаться одному, и проводила с ним всё время, свободное от домашнего хозяйства. Целую неделю она ходила за своим строптивым пациентом как привязанная и заставляла его вспоминать маму, их семейные истории, их общие приключения, даже нечастые ссоры. Она старалась всячески растормошить погрузившегося в свою скорбь отца, готовила его самые любимые блюда, неумело шутила и даже через силу смеялась над своими шутками. Выбранная метода с точки зрения современной медицины была, наверное, довольно сомнительной, но она сработала. Невыносимая поначалу боль притупилась, стала привычной, с ней уже можно было жить дальше.

Через неделю Дали отправилась в Школу, уже не боясь оставить Вертера одного. А на выходные она вернулась совсем другим человеком. Добрая чуткая девушка превратилась в злобного и опасного зверька, единственным желанием которого было укунить своего отца и побольнее. Перемены в дочери были столь разительны, что Вертер сначала даже подумал, что она заболела. Но к концу выходных он был уже встревожен не на шутку и отправился к Антону за советом. Вот только друг не воспринял страхи Вертера всерьёз. Нельзя же, право, ожидать от юной девушки, только что потерявшей мать, а потом целую неделю выводившей своего отца из депрессии, чтобы она всё время сохраняла хладнокровие и ровное весёлое настроение. Конечно, она просто перенапряглась, вот и сорвалась. С кем не бывает?

Да, наверное, это здорово, когда твоим лучшим другом является Творец Реальности. Вертер уже давно привык к могуществу своего соседа по лестничной площадке, к тому, что Антон в лёгкую может сотворить любую вещь прямо из воздуха. Следует признать, что для Творца исполнять просьбы друга было не сложнее, чем высморкаться, к тому же это доставляло ему самому немалое удовольствие. Ведь Антон даже спустя почти двадцать лет всё ещё считал себя обязанным Вертеру, который спас его и Алису от Сабина, когда коварный братец попытался с ним расправиться.

Сам Вертер вовсе не считал, что друг что-то ему должен, но и отказываться от дармового изобилия не спешил. В их дружбе не было никакой корысти, это был тот редкий случай, когда отдать жизнь за друга вовсе не было фигуральным выражением. И Вертер это доказал, ведь противостояние Сабину стоило Охотнику жизни. К счастью, вся эта история случилась не в базовой Реальности, а в мире Убежища, в котором отсутствует алгоритм перевоплощения. И, вместо жизни, Вертер потерял всего лишь доступ в тот зачарованный мир, где сейчас как раз располагалась Школа для продвинутых Игроков. Та самая Школа, в которой училась его дочь. Так уж устроено наше мироздание, что изменить событие, уже произошедшее в какой-либо Реальности, невозможно. Если ты умер в мире Творца, значит, тебя здесь просто не может быть, и точка.

Нужно признать, что Вертер никогда не злоупотреблял щедростью своего всемогущего друга, он считал, что настоящий мужик должен уметь отвечать за себя и своих близких. Несмотря на отсутствие необходимости зарабатывать, он вовсе не бездельничал, обучал боевым искусствам подростков в спортивной школе, а ещё подрабатывал инструктором по стрелковому оружию в одной частной охранной конторе. В общем, старался быть независимым и самодостаточным. Но, как оказалось, его независимость была лишь иллюзией, теперь Вертер это понял со всей ясностью.

За восемнадцать лет, прожитых рядом с Антоном, он привык к тому чувству безопасности, что обеспечивало присутствие рядом могущественного Творца. Для Вертера стало привычным обращаться к другу при малейшем затруднении. Ведь Тохе ничего не стоило решить все его проблемы, без труда устранить непреодолимые для обычных людей препятствия. И матерый боец расслабился, забыл, что на любую силу всегда найдётся ещё большая сила. А ведь Тоха – просто человек, хоть и обладающий могуществом бога, он тоже может ошибаться. Вот он и ошибся, не доверился интуиции друга.

Нет, Вертер вовсе не винил Антона, это он сам не смог защитить свою дочь. Вырвавшийся из добровольного заточения Сабин нанёс ответный удар, и расслабившийся Охотник оказался к нему не готов. А ведь отец просто обязан был предпринять всё возможное для своего ребёнка, не имел он права полагаться на чужое мнение, даже на мнение Творца. Дали была, что называется, папиной дочкой. Вертер просто души не чаял в своей малышке, и та отвечала ему полной взаимностью. Между ними не было секретов, девочка делилась с папочкой самым сокровенным. А он в самый критический момент не оправдал её доверия, подвёл.

Ани всегда поражалась, как этот суровый вояка рядом с Дали превращается в заботливого папочку, и даже немного ревновала своего мужа к дочери, но благоразумно мирилась с расстановкой ролей в их семье. У неё были веские причины для того, чтобы проявлять терпимость и понимание. Ведь Дали появилась в их семье вовсе не случайно, она была реинкарнацией погибшей возлюбленной Вертера. По крайней мере, так думали все окружающие.

Восемнадцать лет назад Охотник убил женщину, которую очень сильно любил. Это была нелепая случайность, его любимая угодила под рикошетирующую пулю, которая ей совсем не предназначалась. Но эту пулю выпустил Вертер, чего так и не смог себе простить. Ту женщину звали Дали, и она была Мастером Игры. Возлюбленная Вертера, молодая и талантливая, она обладала выдающимися способностями, путешествовала по альтернативным мирам и мечтала стать Творцом своей собственной Реальности. Если б не нелепая гибель, у неё всё могло бы получиться, но судьба распорядилась иначе.

Через год после той трагедии у Вертера и Ани родилась девочка, удивительно похожая на погибшую и ничем не напоминавшая своих родителей. У них обоих были тёмные волосы и карие глаза, а головку их дочки украшали золотистые кудряшки, и из-под пушистых ресниц смотрели глазки невероятного ярко-голубого цвета. Точь-в-точь такие, как были у той, чью жизнь унесла шальная пуля. Не удивительно, что они назвали свою дочь Дали в память о погибшей возлюбленной Вертера. По молчаливой договорённости родители не обсуждали

столь странное сходство, но оба были уверены, что их дитя является реинкарнацией Мастера Игры. Вертеру очень хотелось верить, что Дали простила ему свою бессмысленную смерть, коли решила вернуться в мир его дочерью. А для Ани воспитывать будущего Мастера было очень лестно и почётно.

Со временем внешнее сходство между тётками только усилилось и стало просто мистическим. Зато обозначилась заметная разница в их характерах. Погибшая была очень яркой и эмоциональной личностью, крутила мужиками, как хотела, её амбиции в отношении своих немалых способностей били через край. А малышка росла спокойной, ласковой, как котёнок, практически не капризничала и не умела долго обижаться. Её душа была открыта каждому, кто подходил к ней с добром. Но даже когда её незаслуженно обижали, девочка проявляла прямо-таки недетскую терпимость и всепрощение. А ещё дочка Вертера была равнодушна к розовому, что для её предшественницы было просто немыслимо. Вот только способности Мастера к семнадцати годам в ней так и не проснулись.

Несмотря на это Вертер с Антоном всё же решили отправить девочку на обучение в Школу для продвинутых Игроков. Они считали своим долгом дать ей шанс вернуть былые способности. А лучше всего это было сделать под чутким руководством Учителя Тарса. Впервые Дали оказалась в Убежища, когда ей исполнилось шестнадцать. Через неделю после выпускного вечера в обычной средней школе папа привёл её к дяде Антону и сказал, что пришла пора ей узнать кое-что интересное о мире, в котором она живёт.

– Дали, милая, – Антон улыбнулся и мягко взял её за руку, – пожалуйста, ничего не бойся и ничему не удивляйся. А теперь закрой глаза.

Первое, что почувствовала Дали, послушно сомкнув веки, был аромат нарциссов, смешанный со смолистым запахом хвои. Антон отпустил её руку, и Дали обнаружила, что стоит посередине большой комнаты, украшенной венками из еловых веток и живых цветов. Стены были отделаны тёмными деревянными шпалерами, в дальнем углу располагался настоящий камин, правда огонь в нём не горел. Под лестницей, ведущей на второй этаж, приютилась небольшая вполне современная кухонька, а рядом с окном стоял длинный дубовый стол с дюжиной сидений с обеих сторон. В общем, вполне обычная уютная обстановка. Вот только за окном сплошной белой пеленой шёл снег.

– Где я нахожусь? – в голосе девушки откровенно прорезались панические нотки. – И почему здесь зима?!

– Наш мир не такой простой, как тебе раньше представлялось, – Антон ласково погладил паникёршу по головке. – Реальность, к которой ты привыкла, мы называем её базовой, вовсе не единственная. Есть ещё альтернативные базовые Реальности, а кроме того, есть миры, созданные Творцами. Вот как этот мир, где мы с тобой сейчас находимся. Он называется Убежище, и я участвовал в его сотворении, потому что я Творец Реальности. Здесь располагается Школа для особо одарённых учеников, к которым тебе предстоит присоединиться. А ещё здесь всегда зима.

Позднее Дали узнала, что Убежище было создано двумя Творцами: дядей Антоном и Тарсом, которого в Школе все называли просто Учителем. Очень скоро она привыкла к чудесам, которые были здесь делом обыденным, да и вечная зима перестала её раздражать. Но в тот момент она буквально онемела от когнитивного шока. Дядя Антон, лучший папин друг, практически родственник, качавший её на коленях и даривший плюшевых медведей на день рождения, вдруг оказался кем-то вроде бога. Это было нечестно. Как же можно было всю жизнь притворяться, играть чужую роль? И зачем нужно было её обманывать? Кому же тогда верить?

– А папа? – прошептала Дали, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. Если ещё и любимый папочка ей врал всю жизнь, то как жить дальше?

Антон неверно понял её вопрос и пустился в объяснения на предмет того, почему Вертер не смог последовать за ними в Убежище. Узнав о том, что её папочка, оказывается, погиб в

этом месте ещё до её рождения, Дали заплакала навзрыд. Теперь, спустя год ей было очень стыдно за ту истерику, но обида на дядю Антона так до конца и не прошла.

Школа, располагавшаяся в Убежище, была предназначена для людей со специфическими способностями, проще говоря, для начинающих волшебников. В стенах Школы их принято было именовать продвинутыми Игроками. Ученики были, мягко говоря, весьма разновозрастными. Самому младшему не так давно исполнилось двенадцать, а самой старшей – стукнуло уже пятьдесят шесть. Но это никого не смущало, все общались на равных. Поначалу Дали здорово резало слух, когда они называли свою жизнь Игрой в Реальность или просто Игрой. Но постепенно она привыкла, а когда прошла короткий вводный курс, то всё встало на свои места, и слово Игра перестало казаться ей неуместным.

Очень скоро девушка поняла, что она оказалась лишней на этом празднике магии и волшебства. Никаких особых талантов у неё не обнаружилось, и в Школу её приняли только благодаря отцу и Антону, которым многие тут были обязаны своей жизнью. Осознав эту неприятную новость, Дали почувствовала себя очень неловко, как будто заняла чьё-то место не по праву. Тарсу пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить свою не в меру щепетильную ученицу.

– Дали, ты напрасно думаешь, что существуют какие-то особенные люди, обладающие даром, и все прочие, у которых этого дара нет, – в сотый раз пытался втолковать ей Учитель. – Абсолютно все проявленные сознания обладают потенциалом развиваться до уровня Творца и даже Создателя. Просто нужно работать и не опускать руки. Всё, чего тебе удастся достичь в этом воплощении, останется с тобой после смерти тела. Тогда в следующей жизни тебе уже не придётся начинать с нуля.

Следующая жизнь... Так далеко Дали не заглядывала, она и в этой жизни успела сделать лишь первые шаги. Да, ей было не по себе от осознания своей беспомощности, но в Школе было столько всего интересного. Так стоило ли тратить время на никчёмные фрустрации? В конце концов Дали вняла увещаниям своего Учителя и, махнув рукой на глупые девчачьи переживания, принялась с азартом изучать азы управления Реальностью. Вскоре она уже стала своей в этой странной тусовке. Её полюбили за покладистый характер и неизменное стремление всем помогать. То, что Дали не могла поставить элементарный энергетический щит или вылечить простуду наложением рук, ни у кого не вызывало ни малейшего раздражения. С ней охотно делились личным опытом, давали советы и подсказки.

Однажды папина сестра Маргарита, тоже из продвинутых Игроков, которая нашла себя в целительстве душевных недугов, заехала в Школу и решила взять Дали под свою персональную опеку. Теперь по вторникам девушка помогала своей тётке в её собственной маленькой больничке. Если честно, к целительству у Дали не было никакого влечения, но не отказываться же от столь щедро предложенной поддержки. Да и лишних знаний тоже не бывает.

На выходные Дали возвращалась домой побыть с родителями. Папа всегда с интересом выпрашивал её про учёбу и про само Убежище. Чувствовалось, что ему очень хотелось бы туда вернуться, и он по-хорошему завидовал своей дочурке. А она так и не решилась расспросить его про то, что с ним там случилось восемнадцать лет назад. Сама мысль о смерти любимого папочки, пусть даже не окончательной, вызывала у Дали приступ паники. Так что лучше было оставаться в неведении. А вот мама совсем не интересовалась Школой. Как выяснилось, она и сама когда-то была ученицей Тарса, но почему-то даже не пыталась использовать свой дар в базовой Реальности.

***

Было ещё совсем рано, за окном висела плотная пелена тумана, и от этого казалось, что утро будет ненастным. Но Роб знал, что это всего лишь обманка для лентяев. Стоит только подняться метров на пятьдесят по ступенькам, ведущим к монастырю, как окажешься выше туманной дымки под ясным голубым небом. Пора было вставать. До благословения Его Свя-

тейшествия оставалось ещё минут сорок. Можно было успеть походить кóру вокруг главного храма, хотя бы с десяток кругов, чтобы настроиться на правильную волну с самого утра.

Роб жил при монастыре уже третий год и каждое утро не переставал благодарить всех будд за тот счастливый случай, что привёл его в Тингри. Этот небольшой бонский монастырь, расположенный в горах на севере Индии, стал ему вторым домом. Нет, Роб не ушёл в монахи, хотя поначалу именно это и собирался сделать. Здесь это было не обязательно. Можно было просто жить в монастырском гестхаузе, практиковать и слушать наставления ламы. Никто его не неволил, но и не прогонял. За два года к Робу привыкли, хотя и не стали считать своим, но и чужаком он уже не был.

Поначалу, конечно, было непросто, особенно пока он не выучил тибетский в достаточной степени, чтобы свободно общаться на бытовые темы. Монахи называли его «зелёные мозги». Робу такая кличка даже нравилась и вовсе не казалась обидной, хоть он и понимал, что под словом «зелёные» подразумевалось «незрелые». Но так было только в первые полгода. Когда он начал довольно бойко общаться на их родном языке, монахи, не ожидавшие от европейца такой прыти, сменили своё недоверие на доброжелательность. В сущности, многие из них оказались очень симпатичными ребятами. Дружбы, правда, не получилось, но отношения установились вполне приятельские.

В монастыре обучалось несколько сотен монахов от самых мелких пацанят не старше семи до взрослых дядечек сильно за сорок. Было очень необычно видеть в одном месте столь разновозрастную аудиторию. Для малышни в монастыре существовала специальная школа, а монахов постарше обучали трое лам в статусе учителей. Глядя на улыбчивых и беззаботных мальчишек в бордовых монашеских рясах, Роб частенько ловил себя на мысли, что по-хорошему им завидует. Его детство было совсем иным.

Он родился в пригороде Оренбурга. Семья Роба жила в убогой пятиэтажке на краю рабочего посёлка. Мальчик привык каждый день видеть облезлые замызганные стены домов, раздолбанный асфальт, рыжие грязевые лужи и пыльную засохшую растительность, привык слышать матерную ругань и пьяные вопли. Это был мир его детства, в котором он чувствовал себя вполне комфортно. Так лягушка, обитающая в мутном болоте, не может знать, что лишена чистой прозрачной воды. Она её просто никогда не видела.

Бывают места, которые сами по себе определяют будущее своих обитателей. Если вы, к примеру, родились в богатом поместье, то ещё не факт, что станете настоящим лордом, достойным наследником традиций предков. Зато, если ваши родители – пьяницы или наркоманы, и живёте вы в обшарпанной двушке среди таких же несчастных опустившихся соседей, вам практически гарантировано повторить их судьбу. Таким местом как раз и был родной посёлок Роба.

За первые восемнадцать лет жизни перед армией он успел несколько раз всерьёз напиться, покурить травки, пятнадцать суток отсидеть за решёткой, очень много раз подраться, в том числе с поножовщиной и, как вишенка на торте, попасть в банду, промышлявшую вульгарным рэкето́м в посёлке и окрестностях. Из его бывших друзей половина сейчас уже сидела либо собиралась чалиться, а другая половина к двадцати годам уже плотно подсела на наркоту или тихо спивалась. Трёх уже не было в живых: одного зарезали конкуренты, у второго случился передоз, а третий перепившись вышел из окна на девятом этаже. Роб не сомневался, что его ждала похожая участь, если бы не счастливый случай, приведший его в Тингри.

На этот раз счастливый случай прикинулся вульгарной повесткой в военкомат. К восемнадцати годам Роб уже сделал неплохую карьеру в местной банде, и ему, разумеется, совсем не улыбалось терять два года жизни на службе государству, которое не дало ему ничего, кроме десяти классов сомнительного образования и перспективы загнуться молодым от какой-нибудь бесполезной химии или нескольких дюймов стали в район печени. Он уже неплохо зарабатывал, в основном на ниве выбивания долгов, и планировал легко откупиться от продажных вояк. Но

не получилось. Дело в том, что именно в этот год Родине срочно потребовалось немного повоевать в дальних неласковых краях, а Роб, как назло, был очень крепким и пока ещё здоровым парнем. В результате взятка не сработала, и он загремел в десантуру.

И вот тут-то выяснилось, что Роб, оказывается, просто был рождён для войны. Жёсткая конкуренция на грани смертельного риска в его родном посёлке сделала из него закалённого бойца, хладнокровного и бесстрашного. В каком-то смысле в армии было даже проще, чем дома, здесь таких матёрых вояк среди новичков было раз, два и обчёлся. На общем фоне Роб выглядел настоящим крутым рейнджером. Дополнительным бонусом оказалась его феноменальная меткость и быстрая обучаемость различным боевым искусствам.

Парень умел двигаться так стремительно, что ещё задолго до того, как полностью освоил бойцовские техники, начал выигрывать поединки у гораздо более опытных противников. Те просто не успевали отслеживать его удары и прочие боевые приёмы, хоть эти приёмы и были не идеальны по исполнению. Но главной приятной неожиданностью оказалось то, что Робу вся эта войнушка очень понравилась. Возможно, именно поэтому у него всё получалось так легко и непринуждённо. Начальство вскоре начало приглядываться к бравому вояке с перспективой подписать его на профессиональную службу, и Роб всерьёз задумался о военной карьере.

Но случилось непредвиденное. Однажды на ученьях его отряд попал в снежную бурю. Всё бы ничего, но буря налетела неожиданно, вопреки оптимистичному прогнозу погоды, и снабжение бойцов тёплой одеждой было не предусмотрено. В результате половина отряда угодила в больничку с пневмониями разной тяжести. Роб тоже оказался на больничной койке, хотя в его случае это был просто сильный бронхит. Тем не менее, как минимум пару недель ему предстояло оставаться наедине с собой. Поначалу ему даже понравилось целыми днями ничего не делать, но, как только жар спал, скука стала одолевать его даже хуже, чем раздражающий грудь кашель. Возможно, именно поэтому Роб с такой радостью ухватился за первое же подвернувшееся под руку чтиво.

Эта книга в тёмно-синем бумажном переплёте валялась никому не нужная в глубине больничной тумбочки. Автор был явно откуда-то с востока, запомнить его имя Роб даже не пытался, а вот название «Чудеса естественного ума» ему сразу понравилось. Надо честно признать, что первые несколько страниц зашли с трудом. Книга явно была переводная, причём перевод на русский был сделан не напрямую с тибетского, а с английского перевода, и выполнен довольно коряво. Но вчитавшись и ухватив смысл, Роб уже не мог оторваться. К моменту выписки он успел прочитать книгу три раза от корки до корки. Ему стало казаться, что вся его предыдущая жизнь была совсем неважной, только прологом к жизни настоящей. Эта книга стала для Роба как бы пропуском в его собственный загадочный внутренний мир. И этот мир оказался гораздо значимее и ценнее всего, что с ним до сих пор случилось.

Оставшиеся полгода службы превратились в пытку. Роб считал часы до дембеля и каждую свободную минуту снова брался за книгу. Начальство было сильно удивлено и разочаровано произошедшими с ним переменами, но заставить перспективного парня остаться на сверхсрочную службу было не в их власти.

***

– Учитель, это правда, что мир, в котором мы живём, на самом деле не существует, что он – просто порождение естественного состояния моего ума?

– Правильнее было бы сказать, что он не порождение, а интерпретация, мой мальчик.

– Но ведь интерпретировать можно только то, что реально существует, разве не так?

– Вот именно! Мир в твоём сознании реально существует. Можешь в этом не сомневаться.

– Но что же в таком случае лежит в его основе? Вы же не станете утверждать, что верите во все эти протоны-электроны?

– В основе мироздания лежат вибрации, циклические движения.

– Движения чего?

– Очень многие философы и учёные пытались дать ответ на этот вопрос. Можно было бы сказать, что движется само пространство или эфир. Но это была бы просто попытка дать ещё одно название непонятному явлению. На самом деле сам этот вопрос некорректен. Существует циклическое движение, как таковое, оно первично. А вот объект, который движется, как раз и создаётся в результате взаимодействия вибраций с умом. Он вторичен. Ум интерпретирует этот наваристый бульон из различных вибраций как образы, звуки, вкусы, запахи, тактильные ощущения, мысли и эмоции. Если вибрации грубые, то получается что-нибудь «материальное», например, молоток или чашка чая, а если очень тонкие, то светлые мысли или безбрежное счастье.

– Выходит, если чего-то нет в моём сознании, то его как бы вообще не существует.

– Это очень интересный вопрос, мой дорогой ученик. Можешь ли ты утверждать, что что-то существует, если в твоём сознании об этом явлении нет даже мыслей? Полагаю, что нет. А вот если ты о чём-нибудь подумаешь, то объект твоих раздумий сразу обретёт статус существующего.

– Получается, даже одной мысли достаточно, чтобы дать жизнь какому-то явлению.

– Мысль – это совсем немало, поверь мне. Мысли материальны не меньше, чем прочие объекты, которые проявляет твоё сознание. В каком-то смысле они даже более материальны, чем, скажем, твоё тело, потому что именно мысли его и формируют. Не стоит ими пренебрегать.

– А слова? Они тоже обладают силой?

– Звуковые вибрации способны создавать и разрушать миры, мой мальчик. И всё же они – лишь грубая модель тех мыслей, которые отражены в словах. Говорят также, что нашим миром правят знаки и символы. Но и образ – это только тень идеи. Если ты желаешь истинной власти над Реальностью, то придётся научиться управлять своими мыслями.

Глава 2

Антон не стал затягивать свой визит в Школу. Уже на следующий день после того, как Вертер пожаловался ему на странное поведение Дали, Творец отправился проверить состояние его дочери. Убежище встретило его ярким зимним солнцем и запахом булочек с корицей. Было ощущение, что Антон приехал на курорт отдохнуть, хотя отдыхать ему сейчас было совершенно некогда, работа над новым проектом отнимала всё его время и внимание. И всё же проигнорировать жалобы друга Антон не мог, хотя и считал его опасения вздорными.

Наблюдения только подтвердили его исходные предположения. Как он и ожидал, Дали была немного подавлена смертью матери, но в остальном вела себя вполне адекватно. Никаких истерик и злобных нападок на окружающих не было и в помине. Антон недоумевал, что же в её поведении могло так испугать отца, чтобы тот прибежал к своему другу буквально с трясущимися руками? Было похоже, что смерть жены сильно подкосила самого негибкого Вертера. Может быть, странности в поведении дочери – это не более, чем его больные фантазии?

Антон сидел в кресле у камина и потягивал чёрный чай с чабрецом из толстой керамической кружки. Напротив него тоже с кружкой чая расположился Тарс, учитель Школы и по совместительству Высший Творец, как и сам Антон. Пока они не спеша беседовали за жизнь, Антон краем глаза продолжал наблюдать за Дали. Девушка стояла у окна и мило щебетала с каким-то незнакомым черноволосым парнем лет двадцати пяти. Внешность у её приятеля была довольно примечательная. Он был высоким и стройным, но при этом накаченным прямо как профессиональный бодибилдер, правда только в верхней части туловища. Выпуклые мышцы на его груди и плечах однозначно говорили о регулярных и серьёзных физических нагрузках.

А вот его лицо никак не вязалось с фигурой атлета. Оно было какое-то кукольное: тонкие, почти женские черты, огромные тёмные глаза с поволокой, узкая полоска ухоженных усов над верхней губой, длинные выющиеся локоны. Было в нём что-то восточное, но не арабское и не монголоидное, а скорее, некий индийский колорит. Левой рукой парень нежно сжимал ладонку Дали, а правой – обнимал её за плечико, эдак привычно, без стеснения. Сразу бросалось в глаза, что между молодыми людьми были не просто приятельские отношения, а нечто большее.

Не то чтобы Антон был ханжой, но фривольное поведение индуса по отношению к дочери друга его слегка покорило.

– Кто этот парень? – любопытствовал он, указывая на парочку у окна. – Я его, помоему, раньше не встречал.

– Это сын Эрика, моего покойного брата, – пояснил Тарс. – Помнишь ещё командора Охотников, который тебя едва не пристрелил прямо перед роспуском ордена? Парня зовут Амар, очень способный молодой человек, между прочим.

– Он из потомственных Охотников? Да вдобавок ещё потенциальный наследник командорского титула? – Антон явно был сбит с толку. – Ты тут не слишком ли расслабился, Учитель? Зачем ты пустил в Убежище бывшего Охотника?

– Антон, окстись, – замахал на него руками Тарс, – когда Сабин распустил орден, пареньку было всего семь, он ещё никого не успел убить. Да и что это за предрассудки? Бывшие Охотники – тоже люди. Я, к примеру, больше десяти лет командовал орденом. Надеюсь, ты этого ещё не забыл? Да и твой лучший друг Вертер когда-то был Охотником.

Охотники. Пятьсот лет назад Сабин создал этот орден для того, чтобы охотиться на собственного брата. Сотни лет эти профессиональные убийцы отыскивали Антона, каким бы именем он ни звался, и безжалостно убивали его молодым, не дожидаясь, пока он осознает свою мощь Творца. А в промежутках между его воплощениями Охотники устраивали настоящий геноцид для всех остальных продвинутых Игроков, до кого только могли дотянуться. Так что

шансов на появление в нашем мире хотя бы ещё одного Творца, помимо самого Сабина, не было никаких.

Исключение отступник сделал только для Тарса, своего дальнего потомка по прямой линии. Что уж им двигало, сказать трудно, однако именно благодаря этой его странной прихоти и появилось Убежище, в котором Учитель спасал от Охотников небольшое количество своих учеников. Через пятьсот лет убийств ни в чём неповинных талантливых людей Сабин распустил орден с той же непринуждённостью, что и создал. Надоели они ему, не оправдали ожиданий.

Антон и сам не понимал, почему вид этого Амара вызвал у него непроизвольную защитную реакцию, но он слишком сильно доверял своей интуиции, чтобы оставить без внимания такой небезынтересный факт, как дружба Дали с потомственным Охотником. Конечно, это могло не значить абсолютно ничего, а могло и оказаться ниточкой к разгадке страхов Вертера. Мало ли, что там сподобился рассказать девушке этот странный тип про её папочку, тоже бывшего Охотника. Было и ещё кое-что странное, Амар абсолютно ничем не напоминал своего отца. Эрик был плюгавым маленьким человечком с головой, росшей прямо из плеч. Откуда же у него взялся такой красавчик сынок?

– А кто его мать? – поинтересовался Антон.

– Увы, это осталось тайной, – Тарс пожал плечами. – В один прекрасный день маленький Амарчик просто появился в командорском доме, и Эрик официально признал его сыном и наследником.

– А вот это уже было интересно, – подумал Антон. – Вполне возможно, Амар вовсе не являлся биологическим сыном Эрика. Что же могло заставить всемогущего командора признать чужого ребёнка, да ещё сделать его единственным наследником? Ведь командоры в ордене Охотников всегда обладали непререкаемой властью и распоряжались жизнью и смертью своих подчинённых по собственному усмотрению. Единственным, кого они боялись, был основатель ордена Сабин. Неужели командорский наследник – это ещё одна каверза моего брата?

– Антон, очнись! – оказывается, Тарс уже давно тормозил Антона, а тот так увлёкся дедукцией, что пропустил его слова мимо ушей.

– Я давно хотел обсудить с тобой один вопрос, касающийся Дали, – задумчиво проговорил Учитель. – Ты ведь, наверное, уже догадался, что она не может быть реинкарнацией той женщины, что когда-то привела тебя в Убежище, а потом погибла от руки Вертера?

Антону, конечно, приходили в голову подобные мысли, но всерьёз он об этом не задумывался. Способности Мастера Игры у дочери Вертера пока не проявились, это факт. Но само по себе это ещё ни о чём не говорило. В конце концов, его собственные способности Творца начали спонтанно проявлять себя уже ближе к тридцати годам. С другой стороны, его же никто не учил и не тренировал, как дочку Вертера. Возможно, попади он в Школу в юности, способности проявились бы гораздо раньше. Но делать поспешные выводы всё же было преждевременно.

– Ты уверен? – на всякий случай спросил он своего собеседника.

– Антон, я ведь учитель, не забывай этого, – Тарс с осуждением покачал головой. – Я способен правильно оценить потенциал ученика. У дочери Вертера этот потенциал весьма посредственный, уж поверь. Правда один раз я всё-таки промахнулся, когда посчитал тебя Программистом, но то был особый случай.

Да уж, это была просто фатальная ошибка Учителя. Потенциал самого Антона, Высшего Творца и Создателя, он явно недооценил, и это привело к трагическим последствиям. Убежище оказалось под угрозой полного уничтожения из-за бессознательно сотворённого Антоном волка-защитника. Просто чудо, что катастрофу удалось остановить вовремя, пока не погибли люди. После того случая Антон несколько месяцев трудился над восстановлением

порушенного мира. Вот так и сложилось, что у Убежища оказалось два Творца: Тарс, изначально сотворивший этот мир, и Антон, восстановивший его после почти полного разрушения.

Впрочем, у ошибки Тарса было вполне понятное объяснение. Способности Антона были искусственно подавлены десятками насильственных перевоплощений. Охотники сотни лет просто не оставляли ему шанса их проявить, убивая совсем молодым. С Дали дела обстояли совсем иначе. Развитию её способностей ничего не мешало. Даже наоборот, Тарс возился с ней, как с собственным ребёнком. Так что если она была потенциальным Мастером Игры, то это никак не могло укрыться от её наставника.

– Возможно, ты и прав, – согласился Антон с доводами своего коллеги, – и что с того?

– А тебя не удивляет поразительное внешнее сходство нынешней Дали с её предшественницей? – Тарс исподлобья глянул на собеседника. – Это можно было бы как-то объяснить перевоплощением одного сознания. Мало ли, какие капризы могли возникнуть у Мастера Игры? Захотела родиться у своего бывшего возлюбленного и по совместительству нечаянного убийцы и родилась. Но если это два разных сознания, тогда мистическое сходство дочери Вертера и его покойной возлюбленной кажется весьма подозрительным, не находишь?

Антон задумался. И как это ему самому не пришло в голову? Ситуация же явно выглядела не как случайная игра природы, а как искусственно созданная кем-то ловушка. И не факт, что этот шутник испытывал добрые чувства к Вертеру и его семье. Но кому это могло прийти в голову, да и зачем? Если бы братец Сабин был сейчас на свободе, то можно было бы всё списать на его проделки. Но тот сам запер себя в стасисе ещё до рождения Дали. Охотники такими техниками и близко не располагали. Остальным Высшим подобное чувство юмора и вовсе не было свойственно. Тогда кто?

– Ты, наверное, прав, Учитель, – согласился Антон, – что-то тут нечисто. Завтра будет полнолуние, и все Высшие соберутся на огненный ритуал. Давай посоветуемся. У них в любом случае побольше опыта, чем у нас с тобой.

На том они и порешили. И потеряли ещё один день, когда ситуацию ещё можно было исправить.

***

Солнце плавно выплывало из-за горы, просвечивая сквозь ажурную паутину крон росших на вершине деревьев. Наблюдать за восходом перед получением благословения Его Святейшества давно уже стало для Роба привычным утренним время препровождением. У него даже было специальное место на крыше монастырской библиотеки, откуда он частенько любовался этим великолепным зрелищем. Внизу, в долине лежало плотное одеяло утреннего тумана, скрывая мелкую быструю речушку и храм женского монастыря, расположенный на противоположном склоне, почему-то гораздо ниже мужского.

За что так обидели лучшую половину человечества, Робу было совершенно непонятно. В мире Бон отношение к женщинам вообще было более строгое, нежели к мужчинам. К примеру, обетов у монашек было на сотню больше, чем у их коллег мужского пола. Монахи часто шутили, что в мужском теле мы карму зарабатываем, а в женском, наоборот, отрабатываем. Насколько такое утверждение соответствовало действительности, сказать трудно, но нелёгкая жизнь монашек в значительной мере подтверждала его правоту.

Летом низинное расположение женского монастыря давало явные преимущества, поскольку оберегало дам от навязчивой жары, зато в остальное время года постоянная промозглая сырость приносила немало неприятностей. Роба просто передёргивало от озноба, когда он видел, как совсем молоденькие девчушки, скинув обувь перед дверью храма, босяком идут на утреннюю пуджу по ледяному каменному полу. К слову сказать, пол в храме мужского монастыря был деревянный. Год назад одна из туристических групп, приезжавших в монастырь на ретрит, сжалилась над страдальцами и привезла им несколько масляных обогревателей для храма и жилых помещений. Монашки с благодарностью приняли подношение и даже устано-

вили обогреватели, однако включали их только зимой в самое ненастье, экономили электричество.

Ещё будучи на срочной службе, Роб мечтал, как отправится путешествовать на восток, к истокам знаний, изложенных в найденной им книге. Однако жизнь распорядилась по-своему. Вернувшись домой, он застал мать в постели с переломом бедра. Отец пил не просыхая, и помощи от него не было никакой. Пришлось Робу временно стать сиделкой и ухаживать за матерью. Тем временем отец, в очередной раз напившись, подрался с соседом, проломил тому голову и угодил за решётку. Ему светило лет десять строгой, а то и больше, но до суда отец не дожил. Кровоизлияние в мозг, видимо, в связи с вынужденным отказом от привычной ежедневной дозы, оборвало спутанную нить его жизни. По крайней мере, таков был официальный диагноз.

Мать, которой её муж, казалось бы, давно был совершенно безразличен, после его смерти вдруг впала в депрессию. Её состояние стало резко ухудшаться. Когда бедняга начала бредить, Роб, несмотря на её протесты, вызвал скорую. Через несколько дней его матери тоже не стало, она просто не проснулась однажды утром. Что-то в ней надломилось со смертью отца. Как странно порой завязываются узлы нашей судьбы. Родители Робба давно не любили друг друга, жили вместе по необходимости, просто больше некуда было податься, а умерли вместе, практически в один день.

Отца Роб не сказать, чтобы недолюбливал, просто толком и не знал. Увидеть его трезвым было настоящим событием, и такие события сын мог сосчитать по пальцам одной руки. А вот мать он искренне любил и жалел. Она была женщиной простой, зато истинным романтиком, увлекалась рыцарскими романами, героическими балладами и любовной лирикой. Это она назвала сына Роббином. Угадайте, в честь кого. Когда она носила ребёнка, ей в руки попался фильм «Робин Гуд» с Кевином Костнером в главной роли, и сентиментальная мамаша влюбилась в главного героя.

Наверное, она хотела как лучше. Ей казалось, что такое экзотическое для Оренбурга имя подарит её сыну необычную и интересную судьбу. Но вышло как всегда. Все школьные годы Робба преследовала песенка про Робина-Бобина Барабека, который скушал сорок человек и ещё какую-то живность. Хорошо ещё, что он вырос крепким и спортивным парнем, и после школы полу-женское слюнцвое Робин быстро превратилось в жёсткое Роб. Симпатичным девчонкам, правда, разрешалось фамильярное Робби, но это было единственное исключение.

После смерти родителей Роб продал квартиру вместе со всей обстановкой первому, кто согласился её купить, собрал рюкзак и купил билет в Катманду. Отчего его выбор пал на столицу Непала, он и сам, наверное, не смог бы объяснить. Может быть, название понравилось. А вот сам город поначалу произвёл на Робба довольно гнетущее впечатление. Непрерывный даже ночью шум, пыль, висящая в воздухе, словно дымовая завеса, снующие туда-сюда люди и машины. Это было совсем не похоже на его мечты о расслабленном и медитативном востоке.

Наверное, он так бы и уехал из Катманду, не сумев почувствовать его душу, уловить его тонкие вибрации, но непутёвому паломнику повезло. В самолёте на соседнем кресле оказалась девушка, ехавшая в монастырь Копан, что на окраине Катманду, на медитативные практики. Недолго думая, Роб навязался ей в попутчики и не прогадал. Для первого знакомства с Непалом Копан был то, что нужно. Там было спокойно, тихо и красиво. Немногословные улыбчивые монахи, привычные к толпам европейцев, радушно приютили ещё одного незапланированного паломника, и Роб плавно влился в неприветливый монастырский быт.

Немного привыкнув и осмелев, он переселился в гестхауз одного из буддийских монастырей рядом со ступой Боуднах в самом сердце города. И только тогда Катманду начал открывать ему свои тайны. Роб начал познавать этот город не глазами, а каким-то внутренним чувством, проникаться его настроением, его отрешённостью посреди суеты людского потока. Катманду стал представляться ему маяком, непоколебимо стоящим на гребне скалы в окружении пены

кипящих человеческих страстей. И Роб влюбился в этот суматошный, никогда не засыпающий город со всей страстью наивной юности. Потом были другие города. Судьба забросила его сначала в Тибет, потом в долину Кулу и под конец на север Индии в Ладакх. Он путешествовал налегке, искал, сам не понимая чего, может быть, истины, а может быть, просто приключений. Многие места ему нравились, оставляли свой след в душе, но первая любовь так и не прошла, не затёрлась новыми впечатлениями.

Роб натянул старые растянутые треники и толстовку, а сверху накинул тёплую накидку из шерсти яка. Хотя март уже наступил, но ранним утром было ещё довольно зябко, и накидка точно лишней не будет, особенно если удастся сегодня попасть в храм защитников на утреннюю пуджу. Если повезёт, и Роб окажется на службе один, то есть шанс, что его пустят внутрь, а если соберётся хотя бы три-четыре человека из постояльцев гестхауса, то придётся сидеть в крохотном предбанничке, где сквозит из всех щелей. Вот тогда ячья накидка и пригодится.

Пуджи в храме защитников Робу особенно нравились. Когда в ритмичные гулкие удары барабана вплетался голос ламы, читавшего утреннюю молитву, Робу словно подхватывало потоком мощных чистых энергий и уносило высоко, даже выше голубого небесного свода. На какое-то время он как будто выпадал из окружающего мира, а может быть, наоборот, растворялся в нём без остатка. При этом никакого особенного священного экстаза Роб не испытывал, но чувство полёта было, пожалуй, даже круче.

Защитники в Тингри были могущественные и не прощали неуважительного отношения к монастырским правилам и к учению. Роб сам несколько раз был свидетелем того, как с невежами случались всякие мистические несчастные случаи. Кто-то вдруг подвернёт ногу на лестнице, кого-то срочно вызовут домой посреди ретрита, как раз когда начинается самое интересное, а кто-то слегнет с отравлением или сильной простудой. Вроде бы всё это были лишь случайности, но почему-то они случались только с теми, кто выпендривался сверх меры.

На всякий случай сам Роб выказывал защитникам максимум пиетета, выполнял все требуемые ритуалы почитания, вроде тройного простирая на входе и выходе, периодически делал пожертвования и старался не перегружать их своими просьбами. В соответствии с учением многие, если не все защитники в прошлом имели демоническую сущность, что не мешало им теперь преданно служить монастырю и в целом учению Бон. Но с природой не поспоришь, поэтому лучше было не нарываться.

***

– Учитель, а почему мы все воспринимаем одну и ту же Реальность, если она создаётся индивидуально каждым сознанием? И откуда в моей Реальности берутся другие люди?

– Если для тебя существует только твоя индивидуальная Реальность, откуда же тебе знать, что другие воспринимают её так же? Да и сам факт существования этих самых других не столь уж очевиден. Может быть, только ты один и существуешь? Как ты полагаешь, мой любознательный ученик?

– Мне было бы невыносимо грустно думать, что я могу быть единственным реально существующим сознанием, а остальные – это не более, чем фантом, мыслеформа. Такого просто не может быть.

– Рад, что интуиция тебя не подводит, мой мальчик. И что же она тебе подсказывает на этот раз?

– Только не смейтесь, Учитель. Я думаю, что мы все – часть чего-то общего, большего, чем каждый из нас по отдельности. Мы как капли в океане, и этот океан проявлен в каждой капле.

– Это очень романтично, я и не знал, что ты поэт в душе. Что ж, ты прав, но лишь отчасти. Мы вовсе не части целого, каждый из нас и все мы вместе и есть то самое целое. Просто оно так огромно, что мир, в котором мы существуем, не в силах вместить Его как единую структуру. Только в раздробленном виде оно способно проявиться в нашей Реально-

сти. Наши как бы отдельные сознания – это просто форма существования единого сознания, подходящая для этого мира.

– Единое сознание – это и есть наш Создатель?

– Совершенно верно. Сознание Создателя проявляется в нашем мире в виде множества наших сознаний.

– Но почему учение Бон отрицает существование Создателя?

– Это учение было создано не для таких как ты и я. Оно по-своему справедливо. Просто нужно его правильно применять и интерпретировать. В нём тоже существует понятие Создателя, хотя об этом и не говорят в открытую. В учении Бон Создатель – это индивидуальный саморождённый ум. Тебе этого недостаточно?

– Если б было достаточно, я бы не сидел у ваших ног, Учитель.

Глава 3

Амар появился в Убежище в канун условного Нового года. Высокий брюнет с телом атлета, тонкими чертами лица и чёрными глазами с поволокой, он был просто воплощением Врубелевского Демона. На вид ему было около двадцати пяти, но держался Амар столь отчуждённо и независимо, как будто прожил не меньше сотни лет, и жизнь для него более не являлась ни приключением, ни загадкой. Он сидел за одним праздничным столом со всеми учениками и учителями Школы, даже отпускал отдельные реплики и время от времени смеялся, но создавалось впечатление, будто он был один во всём мире. Эдакий одинокий демон на вершине горы. Обитатели Убежища сначала пытались его растормошить, но вскоре бросили это бесперспективное занятие. Неясно было, зачем он вообще явился на праздник, если у него напрочь отсутствовало желание веселиться.

Дали новый гость сразу понравился, несмотря на неприветливый вид. Было в нём что-то таинственное, почти мистическое, что очень хорошо сочеталось с образом Убежища, который она сама себе напридумывала. Но подойти и заговорить она не решалась, боялась напороться на холодное равнодушие, а то и на грубость. Уж больно неприступным казался черноглазый демон.

– Наверное, он кого-то ждёт и поэтому не реагирует на окружающих, – сделала поспешный вывод девушка. – Что ж, не буду ему мешать наслаждаться одиночеством посреди шумного праздника.

Однако судьба решила иначе. Часам к десяти на кухне появилась хрустальная чаша с пуншем, и Дали, как единственную особу женского пола, не употреблявшую алкоголь, уполномочили разливать пунш по бокалам. Обитатели Убежища по одному подходили к столику с чашей и разбирали бокалы с прозрачным багряным напитком. Черноглазый демон подошёл последним. Когда Дали протянула ему бокал, он царственным жестом принял предложенный напиток, при этом его левая рука как бы невзначай поправила упавший ей на лоб золотистый локон.

– Как тебя зовут, милая девушка, – колючий взгляд упёрся Дали прямо в переносицу.

Она подняла взгляд и буквально утонула в чёрном бездонном колодце демонских глаз. Это было одновременно жутко и приятно, даже не хотелось выныривать обратно в шумный праздник. Когда Дали назвалась, Амар почему-то вздрогнул и даже пролил несколько капель пунша. Однако он быстро взял себя в руки и улыбнулся.

– Ты дочка Вертера, – это вовсе не был вопрос, её папу тут знали буквально все. – А я Амар, в переводе с санскрита это значит бессмертный.

Вот так они и познакомились. Весь оставшийся вечер бессмертный Амар не отходил от Дали. Они танцевали, болтали, что-то пили, потом опять танцевали и как-то незаметно оказались наедине на открытой площадке, висящей над ущельем. Было новолуние, и звёздное небо чем-то напоминало тёмно-синий бархат с россыпью драгоценных кристаллов. Так много звёзд Дали ещё никогда не видела, а может быть, раньше ей просто не приходило в голову гулять по ночам.

Они стояли, задрав головы к небу, и им было светло от света звёзд. Амар обнимал девушку за талию так естественно, как будто имел на это право. И Дали это очень нравилось, хотя раньше она ни одному мужчине, кроме папы, не позволяла подобные вольности. А потом она почувствовала дыхание Амара на своих губах и потеряла всякий интерес к звёздному карнавалу.

Их роман развивался бурно, но без показухи. Амар старался на людях вести себя сдержанно, демонстрируя скорее уважение к своей избраннице, нежели пылкую страсть. А Дали буквально растворялась в своём бессмертном демоне. Ей казалось, что она парит над землёй

где-то в райских кущах, голос возлюбленного представлялся ей не иначе, как пением ангелов, а взгляд чёрных глаз согревал не хуже солнышка. Всё, что не касалось непосредственно предмета её любви, сделалось Дали безразлично, в том числе и перспектива обрести могущество Мастера Игры.

Как ни странно, несмотря на потерю интереса к практикам, истинное чувство, не испорченное себялюбием и расчётом, разбудило дремавшие в ней до поры способности. А может быть, как раз смещение приоритетов от амбициозных устремлений к заботе о другом человеке и дало начало бурному развитию её сознания. Откуда что взялось? Тарс не мог нахвалиться на свою ученицу и слал восторженные послания её любимому папочке. Достижения Дали, конечно, не шли ни в какое сравнение со способностями Мастера, но по сравнению с тем, что было полгода назад, они представляли прямо-таки умопомрачительный прогресс.

В тот день, когда Дали и Амар отправились на прогулку, с утра зарядил лёгкий снежок. Ветра не было, и снежинки долго кружились и выписывали фигуры высшего пилотажа, прежде чем опуститься на головы и плечи прогуливающейся парочке. Амар предложил переправиться на ту сторону ущелья и пройти по тропинке вдоль обрыва. Дали было всё равно куда идти и идти ли вообще, лишь бы вместе со своим любимым. Посередине подвесного моста Амар, чтобы немного попугать свою спутницу, принялся раскачивать неустойчивую конструкцию, но Дали только весело смеялась. Она знала, что этот мост сотворил дядя Антон, и тот выдержит даже стадо слонов, танцующих вприсядку.

В дальнем конце тропинки они набрали на открытую ровную площадку. Снег на ней лежал нетронутый, видимо, обитатели Убежища сюда почему-то не доходили. Дали тоже была здесь в первый раз. Обычно для разминки она спускалась немного правее вниз по склону, а затем, сделав пологую петлю, возвращалась обратно к мостику. Тропинка вдоль обрыва казалась заброшенной и, возможно, даже опасной. Посередине площадки было небольшое возвышение, увенчанное остроконечной пирамидкой. Подойдя поближе, Дали смахнула с пирамидки тонкий слой пушистого снега и застыла в недоумении. На пирамидке было написано имя её отца и дата, примерно восемнадцать лет назад.

Сколько раз она говорила себе, что пора уже собраться с силами и разузнать, что же тогда произошло, но так и не решилась. И вот теперь неожиданно оказалась в том месте, где когда-то полыхал погребальный костёр, превращая в пепел тело её любимого папочки. Воображение Дали тут же услужливо нарисовало сцену тех давних похорон, и её отчётливо затрясло. Подавленное состояние девушки не осталось незамеченным и вызвало неподдельное удивление у её спутника.

– Ты не знала? – Амар ласково обнял её за плечи, – неужели отец тебе ничего не рассказывал?

Дали с тоской посмотрела на любимого. Что она могла ответить? Что до дрожи в коленках боится даже подумать о том, что её любимый папочка мог умереть, пусть даже понарошку, в Реальности Творца. Ей казалось, что если она узнает всю правду, то мир потеряет свою устойчивость и безопасность. Ведь именно с этими качествами у неё всегда ассоциировался образ отца. Папа просто не мог вот так взять и умереть. Он всегда был уверен в себе и надёжен как скала. Ни разу Дали не видела его растерянным или проявляющим слабость. Конечно, умом она понимала, что никто не бессмертен. Но одно дело принимать смерть как абстракцию, и совсем другое увидеть собственными глазами могилу отца.

– А что ты вообще знаешь о своём отце? – Амара, похоже, совершенно не разжалобил её умоляющий взгляд, и кривая ухмылка грубо сломала идеальную линию его губ.

Дали невольно зажмурилась, метаморфозы, произошедшие с лицом любимого, доставили ей почти физическую боль. Таким она его никогда раньше не видела и тут же убедила себя, что ей просто померещилось. Однако следующие слова Амара разбили её хрупкую наивную защиту.

– Видимо, отец не рассказывал тебе, что был Охотником. Я прав? – он с интересом рассматривал свою спутницу, наблюдая за её реакцией. – Вертер несколько лет состоял в ордене и убивал таких, как мы с тобой, как другие ученики Школы. Ты об этом слышала?

Глаза Дали распахнулись, словно ворота в её незащищённую душу. И в эти ворота тут же хлынул леденящий поток горьких обвинений, сменяя её уютный привычный мирок как жалкую картонку. Слова Амара застали девушку врасплох. Она никак не ожидала, что любимый мужчина вот так спокойно и непринуждённо назовёт её отца убийцей. Почему он говорил такие страшные вещи? Все в Убежище, наоборот, твердили ей, что обязаны жизнью её папе.

Дали захотелось заткнуть уши и бежать, куда глаза глядят, от этой так называемой правды. Но хуже всего было услышать такие слова от Амара. Она не могла не верить любимому, но и поверить в то, что её папочка убивал невинных людей, не было никакой возможности. Дали показалось, что мозг у неё сейчас взорвётся. Это было похоже на дурной сон. Она снова зажмурилась в надежде, что вот сейчас проснётся и обнаружит, что ничего этого не было, просто приснился кошмар.

– Ты хотя бы знаешь, в честь кого тебя называли? – ещё один вопрос Амара прозвучал как удар хлыста.

Он развернул девушку к себе лицом и заглянул ей в глаза. На длинных ресницах бессмертного демона повисли две пушистые снежинки. Они висели и не таяли, словно он был неживой. Тёмные, почти чёрные радужки демонских глаз слились со зрачками и принялись высасывать силы Дали, как воронка чёрного водоворота. Ей показалось, что она сейчас теряет сознание.

– Та женщина была Мастером Игры и любовницей твоего отца, – донёсся до девушки голос любимого как будто бы издалека. – Он её убил, застрелил прямо в лоб.

Дали попыталась вырваться, но Амар крепко держал её за плечи.

– Ты на неё похожа просто до жути, – его губы сложились в саркастическую усмешку. – Как он может каждый день смотреть на тебя и не испытывать боли и раскаянья?

Девушка словно очнулась от морока, в который её погрузила чёрная воронка, безжалостно сосущая из неё последние силы.

– Мой папа меня любит, – в голосе Дали зазвучал металл, – и ты всё врешь. Пусти меня.

Амар разжал руки, и девушка бросилась бежать, не разбирая дороги. Когда она скрылась за поворотом тропинки, он развернулся лицом к могиле и со всей силы пнул ногой ни в чём не повинную пирамидку. Потом коварный разрушитель девичьих иллюзий подошёл к краю обрыва и сплюнул вниз, как бы демонстрируя своё презрение к тому, чьё имя было выгравировано на заиндевевшей металлической пластине. Он ещё долго стоял там, уставившись в снежную муть, даже когда Дали уже перебралась через мостик и скрылась в доме. На лице бессмертного демона играла самодовольная улыбка.

Дали просидела в своей комнате двое суток, сказавшись больной. Никто её не тревожил. Зря она запирала дверь на замок, Амар не сделал ни единой попытки ворваться к ней в комнату с объяснениями или извинениями. Когда на третьи сутки Дали тихонько выползла в столовую, выяснилось, что её черноглазый демон покинул Убежище сразу после возвращения с той злосчастной прогулки, когда она обвинила его во лжи. Девушка совсем растерялась. Кто тут на кого должен был обижаться? Амар наговорил ей гадостей про её папу, обвинил его во всех смертных грехах, ничуть не заботясь о её чувствах. Дали даже на мгновение показалось, что он специально старался причинить ей боль. А если она ошиблась? Вдруг хотя бы часть из сказанного было правдой? А она накричала на ни в чём не повинного человека и обозвала его вруном.

То, что её называли в честь папиной хорошей знакомой, Дали, конечно, слышала. Но то, что та женщина была любовницей отца, да ещё и Мастером Игры, она не знала. И, разумеется, никто не упоминал того факта, что папа её убил. Из ревности, что ли? Глупости! На отца это

было совершенно не похоже. И в то, что он убивал продвинутых Игроков, будучи Охотником, она тоже не могла поверить. Про Охотников рассказывали разные страшилки, например, что все они были фанатиками. Вот это уж точно не про её любимого папочку. С другой стороны, зачем Амару было врать своей девушке? Он же её любит и хочет ей только добра. Почему же он уехал не попрощавшись? Он обиделся на неё? Может быть, он воспринял её несдержанность как оскорбление и знать её больше не желает? И что же ей теперь делать?

Дали металась из угла в угол своей комнаты, мысли её путались. То она принимала решение выяснить всю правду прямо здесь и сейчас и вылетала за дверь, чтобы немедленно найти Учителя и обо всём его расспросить. То останавливалась на пороге, не в силах перебороть свой страх. Потом бедняге начинало казаться, что Амар специально устроил ей шоковую терапию с неизвестной пока целью, и она сочиняла резкую отповедь своему возлюбленному. А буквально через час она вдруг приходила к заключению, что собственными руками разрушила своё счастье и теперь навсегда останется одинокой. Дали горько плакала и клялась, что больше никогда не обидит своего любимого. И всё повторялось снова, как в заколдованном круге.

В душевных муках и метаниях прошла неделя. За эти дни Дали практически ничего не ела, кусок в горло не лез. Спала она тоже очень мало и беспокойно. Так что вскоре от пышущей здоровьем молодой девушки осталась только тень. Она уже больше не могла плакать, апатия накрыла её с головой мутной серой волной. Дали продолжала ходить на занятия, но толку от её посещений было чуть. Всё чаще Учитель ловил её на том, что она не слушает, а думает о чём-то своём. Поначалу он пытался вразумить свою ученицу, даже грозился пожаловаться отцу. Однако, видя тщетность своих увещаний, наконец оставил её в покое. По рекомендации Учителя Дали теперь почти всё время проводила на улице в надежде, что яркие солнечные лучи растворят её тоску и помогут вытащить себя из депрессии.

В тот день она по обыкновению сидела на смотровой площадке, закутавшись в тёплый плед, и прикидывалась, что наслаждается солнечными ваннами. Величественные снежные вершины, залитые ярким солнечным светом, сияли подобно большим белым свечкам. По ясному небу плыли лёгкие полупрозрачные облачка, похожие на воздушное кружево. Было очень тихо, только где-то на той стороне ущелья щебетала неизвестная пичуга. Впервые за последнюю неделю в душе страдальцы наконец воцарился покой. Тоска, что прочно держала её за горло, наконец сдалась и уступила место принятию своей судьбы.

Похоже, она задремала и, наверное, поэтому не услышала шаги за спиной. Амар лёгкой тенью обогнул кресло и опустился на колени перед застывшей в трансе девушкой. Его правой рукой накрыла сложенные на пледе ладошки, вкладывая в руки возлюбленной какую-то маленькую бархатную коробочку. От неожиданности Дали вздрогнула всем телом, и подарок Амара скатился с её коленей. От удара о деревянный настил палубы коробочка раскрылась, и подарок буквально вспыхнул под солнечными лучами.

Это была роза, очень искусно сделанная из белого металла, возможно, серебра. Неизвестный ювелир, похоже, вложил душу в своё творение. Роза была совсем как настоящая, только маленькая. Изящные полупрозрачные листочки словно бы трепетали от движения воздуха, а на лепестках капельками росы блестели крохотные переливающиеся кристаллики. В общем, это было настоящее произведение искусства. У Дали от восхищения перехватило дыхание. Амар подобрал коробочку и снова вложил её в руки ошарашенной девушки.

– Прости меня, любимая, я не хотел сделать тебе больно,– он смущённо улыбнулся и замер в ожидании её ответа.

Дали не знала, плакать ей или смеяться. Она уже перешла ту черту, когда всё можно было поправить поцелуем и ласковыми словами. Дорогой подарок казался ей неуместным, он совершенно не вписывался в ту последовательность событий, которая загнала бедняжку в депрессию. Слишком резким оказался переход от гадкой ссоры к раскаянию, и серебряной безде-

лушки было слишком мало, чтобы Дали смогла поверить в искренность этого раскаяния. А поверить так хотелось.

Словно во сне девушка взяла коробочку и вытащила серебряный цветок из красной бархатной подложки. Как только роза оказалась у неё в руке, Амар вскочил на ноги, поднял Дали из кресла и заключил в свои объятия. Его движения были так стремительны и страстны, что девушка даже не успела отреагировать. Внезапно она ощутила резкую боль в правой руке и невольно вскрикнула. Один из шипов розы оказался очень острым и впился ей в палец. Ранка была маленькая, но довольно глубокая, и несколько капель крови упали на снег, прежде чем Амар успел зажать ранку своей рукой. Потом он ещё крепче обнял свою возлюбленную и с жадностью впился губами в её губы. Дали закрыла глаза и позволила себе уплыть в блаженное ничто.

Было жарко. Нет, не от поцелуя. Просто вдруг наступило лето. Дали оторвалась от своего демона и с удивлением увидела, что всё вокруг переменялось до неузнаваемости. Горы, ущелье и Школа исчезли, а вместо привычного брутального пейзажа появился таинственный глухой лес. Дали стояла на краю поляны, окружённой огромными деревьями, закрывавшими небо своими могучими кронами, и ошарашенно хлопала глазами. Вокруг росла густая высокая трава и цветы чуть ли не в человеческий рост. А над цветами прямо в полёте застыли разноцветные бабочки величиной с ладонь.

Бабочки не махали крылышками, а просто висели в воздухе, как будто их подвесили на невидимых нитях. Растения и листья деревьев тоже не шевелились, словно замурованные в прозрачное стекло. Тишина была такая, словно и звуки кто-то заморозил. Шагах в двадцати посередине поляны стоял старик с длинной седой бородой, одетый в бесформенный плащ с капюшоном. Он тоже был совершенно неподвижен, даже складки плаща не двигались, застыв в неестественном положении. Только тут Дали заметила, что и Амар замер в неподвижности, всё ещё обнимая воздух в том месте, где секунду назад стояла она сама.

– А вдруг я тоже больше не смогу двигаться? – с ужасом подумала девушка и на пробу взмахнула раненой рукой.

Капелька крови скатилась с её пальца в траву, и окружающий мир ожил. Зашелестел ветер в кронах дубов, зашуршала трава, и бабочки принялись порхать над цветами как ни в чём не бывало. Руки Амара обняли плечи девушки и мягко стянули с неё тёплую куртку. Дали подняла глаза и увидела, что старик стоит уже рядом с ней и улыбается так ласково, почти как папа.

– Ну здравствуй, доченька, – голос старика оказался глубоким и совсем не старческим. – Встань, Охотник, – добавил он, обернувшись к Амару, – ты выполнил свою миссию.

Только тут Дали с удивлением заметила, что её любимый демон стоит на одном колене, прижав правую руку к сердцу и склонив голову, как будто делает ей предложение. Только вот склонялся он вовсе не перед ней, а перед стариком в бесформенном плаще.

***

Дорога до главного храма заняла не больше пяти минут неспешным шагом. Сделав положенные простирания у входа, Роб достал чётки и пошёл накручивать кору против часовой стрелки вокруг здания. Он бодро вышагивал по гладким плитам дорожки, окружавшей храм, и с восхищением думал о том, сколько же человек должно было пройти по этим камням, чтобы отполировать их практически до зеркального блеска.

Мимо Роба прошмыгнул резвый дедок-тибетец, тоже явившийся спозаранку за благословением Его Святейшества. Дедок был шупленький и низенький, зато его чётки, которые тут именовались ма́ла, свисали из его ладони чуть ли не до земли. Отполированные деревянные бусины, размером с черешню, громко клацали, отсчитывая круги мантры. Следом за престарелым паломником весело бежала маленькая белая собачонка. Роб давно уже приметил эту странную животинку, которая частенько пристраивалась за кем-нибудь из посетителей мона-

стыря и бегала кору. Наверное, хотела заработать себе благу карму, чтобы в следующей жизни стать человеком.

Губы Роба невольно сложились в улыбку, утренняя кора всегда приводила его в состояние, близкое к экстазу. Нет, не религиозному, скорее, это было ощущение безбрежного счастья просто от осознания того, что он живёт на этой земле. Захотелось как-то выплеснуть свой восторг, и Роб принялся тихо напевать стослоговую мантру. Из предварительных практик эта мантра нравилась ему больше всего. Она просто замечательно ложилась на предписанный мотивчик, такой заводной и энергичный. В монастыре все мантры было принято пропевать, а не просто проговаривать. Но большинство мотивов были довольно заунывные, и Роб частенько заменял их на более резвые, разумеется, только если практиковал в одиночку.

Когда лама дал ему посвящение на предварительные практики, начинающий бонпо поначалу рьяно принялся за дело. Однако со временем сомнения начали подгрызать его энтузиазм. По местным нормативам каждую из восьми практик нёндرو нужно было выполнить сто тысяч раз. Сама по себе эта цифра не особо пугала, времени у Роба было хоть залейся. Но выполнив примерно треть, он начал сильно сомневаться в целесообразности подобного времяпрепровождения.

Дело в том, что он совершенно не ощущал в себе никаких изменений от выполнения нёндру. Медитации, пуджи, лекции и беседы с учителем, всё это давало очевидный эффект, а вот предварительные практики были, как говорится, не в коня корм. Когда он наконец осмелился поделиться с ламой своими сомнениями, тот только усмехнулся, правда без сарказма, а так, по-доброму, даже с пониманием, но не стал комментировать фронтёрские замашки своего ученика. Мол, дело твоё, никто не неволит. Роб заткнулся и продолжил бесперспективное, как ему казалось, занятие.

О том, чтобы получить возможность регулярно общаться с ламой, он не смел даже мечтать. В гестхаузе было довольно много постояльцев, которые приезжали в Тингри каждый год и жили при монастыре по месяцу, а то и дольше. Насколько Роб мог судить, постоянного доступа к учителям, в смысле непосредственного получения учения, ни у кого из них не было. Не было его и у Роба, пока не подвернулся счастливый случай. Полтора года назад в монастырь приехала смешанная группа из России и Латвии на двухнедельный ретрит. Организаторы, разумеется, планировали привезти с собой переводчика с тибетского, но, видно, карма у того парня оказалась с изъяном. По дороге в аэропорт его такси попало в аварию, и переводчик получил довольно серьёзную травму спины. Пришлось ему сдать билет и провести пару недель на больничной койке. Для группы это была настоящая катастрофа. Отменять ретрит было слишком поздно, а какой в нём был смысл, если учение давалось на тибетском?

Вот так Робу выпала возможность проявить себя в качестве переводчика. Лама лично обратился к нему с просьбой о помощи, и, разумеется, об отказе не могло быть и речи, хотя никакого опыта на этом поприще у Роба не было от слова совсем. Сказать, что это было трудно, всё равно, что вообще промолчать. Все две недели парень пребывал в постоянном стрессе, по ночам зубрил тексты, предназначенные к изучению, а после лекций вылезал из учебного зала мокрый от пота и с трясущимися руками. Зато в эти самые руки впервые попали оригинальные тексты древней устной передачи по дзогчен, учению высшего совершенства. По сравнению с этими текстами, зачитанная до дыр книга «Чудеса естественного ума» оказалась просто лёгким развлекательным чтивом. Кто бы мог предположить, что судьба подкинет нашему искателю истины такой шанс, которого иные ждут годами, а то и целыми жизнями.

Когда Роб планировал свой побег на восток, то его главной задумкой было найти автора любимой книги и по возможности напроситься к нему в ученики. И каково же было его разочарование, когда он узнал, что прибыл со своей миссией не в ту часть света. Оказалось, что автор давно жил в Штатах, имел там свою школу и преданных учеников, а в другие страны наведывался чрезвычайно редко. Но нет худа без добра. За время своей халтурки в качестве

переводчика Роб сблизился с ламой, дававшим наставления ретритчикам, и получил от него разрешение посещать лекции для монахов. Позднее он начал регулярно навещать учителя дома с вопросами по учению или просто, чтобы побеседовать на интересовавшие его темы. Именно эти беседы превратили Роба из любопытствующего неофита в практика дзогчен.

Ламу звали Тинджол Тензин Ринпоче, он был одним из трёх преподавателей в монастыре. Роб не сразу осознал, какая удача свалилась на него в лице этого уже немолодого улыбчивого тибетца. Ринпоче обладал колоссальным запасом знаний, казалось, он мог цитировать любой текст с любого места. Но главное, учитель умел объяснить и интерпретировать головомные строчки древнего учения с удивительной лёгкостью, словно детскую считалочку. Сам Роб называл эти тексты мозгодробилкой и, бывало, готов был волком выть от своей беспросветной тупости. Но прошло время, новые знания улеглись в его голове, стали привычными термины и понятия, пришла спокойная уверенность в своих силах, а с нею безмятежность и радость познания.

А Ринпоче по-прежнему улыбался с лёгким, едва уловимым снисходительным выражением на покрытом морщинами лице, и в его глазах светилась добрая хитринка. Он совершенно был лишён сомнений и тщеславия, жил в маленькой комнатке, где, кроме жёсткого топчана для сна и медитаций, да шкафов с текстами и ритуальными принадлежностями, не было больше ничего, только горка подушек для посетителей. Все вкусности, что привозили ему ученики, он тут же скармливал им же за чаепитием и беседами. Роб частенько спрашивал себя, а была ли в жизни Ринпоче хотя бы одна минута, когда тот жил бы для себя любимого? На его памяти таких минут не было. Этим человеком просто невозможно было не восхищаться. И всё же настал момент, когда Роб усомнился в словах своего учителя, и это сомнение стало для него началом нового пути.

***

– Учитель, значит, Создатель действительно существует?

– Ты есть проявление его сознания, мой мальчик. Как же можно сомневаться в своём собственном существовании? Почему я вижу слёзы в твоих глазах? Ты чем-то расстроен?

– Я счастлив, Учитель. Значит, я не сумасшедший и не одержим демонами. Я ведь могу с Ним общаться.

– Понимаю. Тебе очень повезло, что твоё сознание обрело способность соединяться со своим высшим я, с сознанием Создателя. Должно быть, ты не решился поделиться своими переживаниями со своим бонским наставником, чтобы его не огорчить. Ведь его сознание не обладает такой способностью.

– Вы же знаете, что в Бон к ламе следует относиться как к будде. Разве допустимо сомневаться в словах будды? А что если мой собственный опыт противоречит этим словам? Вы даже не представляете, как мне было плохо.

– Не заблуждайся на счёт твоего ламы, мой мальчик, он вовсе не пытался тебя обмануть. Напротив, в его словах была исключительно правда, та правда, которая соответствует структуре его сознания. Просто твоё сознание устроено немного иначе.

– Учитель, если я есть проявленное сознание Создателя, то почему я столь несовершенен? Почему моё сознание проявляет Реальность совсем не так, как мне бы того хотелось?

– Что же я слышу, мой просвещённый бонпо? Где это слыхано, чтобы последователи учения бон стремились формировать Реальность под себя?

– Вы шутите. И всё-таки почему я этого не могу?

– Просто ты ещё не научился управлять своим подсознанием, мой дорогой. У тебя впереди длинный путь, полный открытий, разочарований и побед. Но в одном ты прав. Твоё сознание имеет более простую структуру, чем сознание Создателя, проявленное в мире с более высокой мерностью по сравнению с нашим миром. Поэтому твои возможности нельзя даже сравнивать с возможностями Создателя.

– Получается, чем больше мерность того мира, в котором проявляется сознание, тем сложнее его структура? А почему?

– На самом деле, дело не в мерности мира, а в мерности ума. Ведь в сотворяемом твоим сознанием трёхмерном мире вполне могут существовать точки и плоскости. А вот, скажем, пятимерные объекты смогут в нём существовать только в виде трёхмерных проекций, то есть в упрощённом виде. Вот так и проявленному в нашем мире сознанию Создателя приходится принимать более упрощённую форму. Этой формой и являются наши сознания.

Глава 4

В полнолуние восемь Высших Творцов и Алиса собрались для проведения огненного ритуала. Солнце клонилось к закату, жара спала, и лёгкий ветерок полоскал шторы в открытых настежь окнах ритуального зала. Все девять сидений вокруг очага были уже заняты, и пламя, закрутившись в восемь спиралей вокруг ослепительно белого стержня, вытянулось остроконечным конусом к отверстию в крыше. Именно так каждый раз начинался ритуал. Однако сегодня собравшиеся не спешили начать медитацию. На этот раз нашлось дело поважнее.

– У меня для всех нас очень странные и тревожные вести, – начал разговор Орэй, один из Высших. – Вчера мы с Атан-кеем проверяли мир Сабина, так, на всякий случай.

Орэй замолчал, оглядывая собравшихся настороженным взглядом. Пауза тянулась и тянулась, а Высший не произносил ни слова, словно пытался отдалить момент, когда придётся огласить эти самые тревожные вести.

– Что с ним не так? – Антон первым из собравшихся не выдержал напряжения.

– С ним всё не так, – вступил вместо своего коллеги Атан-кей, – мира Сабина больше нет.

Повисла тягостная тишина. Мир Сабина, похожий на эльфийский лес, в котором тот сам себя запер в стасисе восемнадцать лет назад, для базовой Реальности как бы действительно не существовал. Но Антон в своё время разработал метод проникновения в стасис, и Творцы теперь имели возможность наблюдать как сам мир Сабина, так и запертого в нём Творца. Если Атан-кей заявлял, что этого мира больше не существовало, это могло означать только одно – кто-то этот мир уничтожил.

– Я так понимаю, что никто из нас на Сабина и его эльфийский лес не покушался. – Орэй не спрашивал, он твёрдо был уверен, что ни одному из присутствовавших в зале Творцов даже в голову не могло прийти подобное насилие над собратом.

– Ты думаешь, в базовой Реальности появилась сила, способная уничтожить мир Творца? – уточнил Антон.

Он и сам не понимал, радоваться ему или огорчаться такой новости. С одной стороны, гибель целого мира, пусть и с единственным обитателем, была трагедией. А с другой стороны, это означало, что угрозы, которую представлял Сабин для него самого и его близких, больше нет.

– Не говори глупости, Аннагорн, – в голосе Атан-кея прорезались нотки недовольства. – Появление подобной силы не могло бы пройти для нас незамеченным. Да и уничтожить целый мир так, чтобы от него не осталось никаких следов – это дело немыслимое. Вспомни, сколько времени понадобилось твоему волку, чтобы разрушить Убежище, да и то не до конца. Обломки всё равно остались.

Они всё ещё продолжали называть Антона его именем, под которым знали его пятьсот лет назад перед тем, как Сабин хитростью одного за другим запер этих многомудрых Творцов в стасисе. Когда речь заходила о чём-то важном, Антон, как правило, превращался в Аннагорна или проще в Гора.

– Полностью стереть Реальность может только её Творец, – вынес свой вердикт Атан-кей.

Последняя фраза прозвучала как приговор. Все восемь человек тут же с сочувствием обратили свои взгляды на Антона. Что эта новость для него означает, было понятно без слов. Если это Сабин уничтожил свой мир, значит, он каким-то чудом вырвался из стасиса. Нетрудно было догадаться, что последует дальше. После восемнадцати лет передышки освободившийся пленник снова откроет сезон охоты на своего брата. И уничтожение эльфийского леса с большой долей вероятности можно было считать своеобразным объявлением войны.

От этих сочувственных взглядов Антону стало не по себе, словно ему за воротник кто-то запустил холодную склизкую лягушку. Он невольно передёрнул плечами и кисло улыбнулся.

Да, недаром Вертер переполошился, похоже, насчёт дочери он не заблуждался. Нужно было отнестись к подозрениям друга с большим доверием. Но причём тут Дали? Невесёлые размышления Антона прервал вопрос Тарса.

– Как же Сабину удалось вырваться? – беспечно полюбопытствовал тот, как бы с чисто академическим интересом.

Ответом ему была тишина. Увы, за прошедшие восемнадцать лет Высшим так и не удалось выяснить, каким образом Сабин смог взять под контроль их сознания, чтобы запереть их всех в стасисе. Ведь для этого требовалось на время заблокировать связь их ума и подсознания. Что за способ изобрёл отступник, позволявший мгновенно превращать Творцов в обычных людей? Увы, ответа на этот вопрос мудрецы так и не нашли. А уж каким образом Сабину самому удалось разорвать кольцо стасиса изнутри, никто вообще представить не мог. Теоретически это было совершенно невозможно.

Восемнадцать лет назад, когда они обнаружили, что мир Сабина погружён в стасис, Антон сразу высказал предположение, что у его талантливого и коварного братца, наверняка, имелся план, как ему выбраться из своего добровольного заточения. Ну не верил он в то, что Сабин мог так просто сдаться. Остальные, кстати, были с ним согласны, поэтому поначалу контроль за узником был практически ежедневный. Но годы шли, а ничего не происходило. И сторожа расслабились. Как видно, напрасно.

Отчего, вырвавшись из стасиса, Сабин взялся за Вертера, а не за Антона, было в общем-то понятно. Тягаться в открытую со своим братом, за которым к тому же стояла вся мощь Высшего Совета, было для растерявшего свои силы отступника сущим безумием. Зато отомстить простому смертному за провал своей последней авантюры, Сабину было вполне под силу. И Антон просто обязан был предусмотреть такую возможность, но проявил преступную беспечность. И теперь, судя по всему, может пострадать ни в чём не повинная дочь Вертера. Надо же было быть настолько самонадеянным идиотом, чтобы утратить элементарную осторожность.

– Ты только не горячись, Гор, – обратился к нему Шандивар, видя, что тот готов взорваться. – По просьбе Тарса я взял на себя смелость просканировать сознание дочери твоего друга.

Вот-вот, даже чужому человеку пришло в голову, что с Дали что-то нечисто. А ближайший почти родственник убедил себя, что его друг просто нагоняет страху. Сканирование сознания – это же очевидный ход, который Антон сам должен был сделать в первую очередь. Но вместо того, чтобы поверить другу и всерьёз озаботиться проверкой его подозрений, он ограничился внешним наблюдением за его дочерью. Не хотелось, видите ли, проявлять бестактность и ковыряться без спросу в чужом сознании. Вот и довыпендривался со своим чистоплутством.

– Не нужно меня жалеть, – мрачно попросил Антон. – Что Сабин сделал с Дали?

Он невольно напрягся, ожидая вердикта, но Шандивар замолчал и смущённо опустил взгляд. Теперь они все избегали смотреть ему в глаза. Похоже, никому из присутствующих не хотелось первым огласить тот факт, что Антон облажался по-крупному. Но бесконечно молчать было невозможно, и Шандивар наконец решился.

– Дело в том, что Дали в этом теле уже нет, – его голос звучал глухо, словно из-за стенки, по крайней мере, Антону показалось именно так. – Сейчас телом Дали управляет сущность, запрограммированная на одну единственную цель – убить Вертера. Тебе нужно срочно спасать друга, Гор.

У Антона на миг потемнело в глазах. Это было даже хуже, чем он мог себе представить. Но как такое могло случиться? Он же сам видел Дали только вчера, и она казалась совершенно нормальной. Однако сомневаться в словах Высшего было глупо. Для того, чтобы разглядеть, что в теле пребывает чужеродное сознание, даже не нужно было быть Творцом. Но может быть, сознание самой Дали ещё не уничтожено этой искусственной сущностью? Возможно, ещё не

поздно всё исправить? Но задать уточняющий вопрос Антон не успел. Вместо него заговорил Орэй.

– Как Сабин мог такое сотворить с девочкой? – посетовал Высший, – мне, например, подобная техника неизвестна.

– Увы, друзья мои, – вставил своё слово Тасилгир, – в отличие от Сабина, мы вообще не сильны в разрушительных техниках. Нам это просто неинтересно. Мы даже от стасиса защиты так и не нашли. Да, как Творцы, мы без сомнения сильнее его, вот только Сабин не станет воевать в открытую, а в коварстве ему нет равных.

Творцы уныло кивали, и от их показного смирения Антону сделалось совсем тошно. Алиса поднялась со своего сиденья и обняла его сзади за плечи. Она остро чувствовала боль и отчаяние своего любимого, и ей очень хотелось его утешить. А утешать Алиса умела как никто. Обычно одного её прикосновения было достаточно, чтобы придать уверенности и спокойствия даже потерявшему последнюю надежду человеку. Однако на этот раз магия не сработала. Антон никак не среагировал на ласку своей любимой, он сидел совершенно неподвижно и очень сосредоточенно смотрел в одну точку прямо перед собой.

– Тоша, не надо так себя казнить, – жалобно попросила Алиса, – каждый может совершить ошибку.

Антон словно очнулся. Он благодарно погладил Алисину руку и кисло улыбнулся. Да, ошибку может совершить любой человек. Вот только от его ошибки погибла очень хорошая молоденькая девушка, почти девочка. Погибла просто потому, что у одного Высшего Творца, видите ли, зашкалило самомнение. И он забыл, что на свете существуют плохие дяди, которые таких девочек пережуют и выплюнут, если им это поможет реализовать свои планы мести. Однако руки опускать всё-таки рановато. Нужно попробовать всё возможное, да и невозможное тоже.

– Кто-нибудь знает, как можно запустить паразита в сознание человека? – Антон говорил очень спокойно, хотя больше всего ему сейчас хотелось запустить чем-нибудь тяжёлым в оконное стекло, чтобы осколки брызнули во все стороны с оглушительным звоном.

– Значит, решил попытаться, – констатировал Шандивар. – Я готов тебе помочь, но, если честно, не вижу смысла. Нужно просто уничтожить паразита вместе с телом, пока он не добрался до Вертера.

Слова Высшего прозвучали вполне буднично, словно речь шла не о жизни человека, а о старой сломанной вещи. Мол, пришла в негодность, пора выкинуть на свалку. Нужно сказать, что далеко не всем Высшим рассуждения Шандивара пришлись по душе. Тарс, например, не сдержался и осуждающе покачал головой. А Антона так просто передёрнуло, когда он только представил себе, как предложит Вертеру убить его дочь. Нетрудно было предсказать, куда тот его пошлёт после такого предложения. И будет абсолютно прав, между прочим.

– Просто расскажи всё, что знаешь, Шандивар, – стараясь сохранять внешне спокойствие, попросил Антон.

– Это как запустить вирус в программу, – ответил Высший, – тебе это должно быть близко, программист. Нужно найти слабое место в защите либо пробить её искусственно. Для этого сгодится любая отрицательная мысль или эмоция, например, сомнение, недоверие, страх. Ты меня понимаешь?

– Ясно, – Антон уверенно кивнул, – кто-то очень сильно постарался, чтобы Дали потеряла самоконтроль. И я, кажется, догадываюсь, кто бы это мог быть, – он со значением посмотрел в сторону Тарса.

– Ты подозреваешь Амара? – тут же вскинулся тот. – Но как он связан с Сабиним?

– Вот ты и выясни, – огрызнулся Антон, – раз уж запустил Охотника в Школу. А я займусь девочкой. Значит, паразитическая программа загружается в сознание по каналу пробитому отрицательной эмоцией. А что дальше?

– Дальше она начинает разрушать сознание-носитель и занимать его место,– пояснил Шандивар.

– А откуда известно, что сознание Дали уже полностью разрушено? – Антон впился глазами в специалиста по разрушительным техникам.

Шандивар смутился, он явно не был готов ответить на все вопросы. Творцы действительно не особо интересовались техниками манипуляции сознанием. Для них это было не то чтобы табу, но той областью знания, углубляться в которую было постыдным и унижительным занятием, недостойным их высокого звания. Впрочем, совсем уж игнорировать эти знания они не решались. Мало ли, при каких обстоятельствах они могут пригодиться. Поэтому Орэй счёл необходимым заступиться за своего собрата.

– Даже если сознание девочки разрушено не полностью, то тебе не удастся уничтожить паразита, не повредив носителя,– возразил он. – Дело зашло уже слишком далеко.

С минуту Антон обдумывал заявление Орэя. Его лицо застыло словно маска, а в глазах перестал отражаться свет, они словно превратились в две чёрные дырки. Тарс невольно поёжился, именно такими становились глаза у Сабина, когда тот терял самоконтроль. Однако наваждение длилось недолго, вскоре Антон поднял голову и обежал взглядом высокое собрание.

– Я попробую,– твёрдо заявил он и поднялся. – Благодарю за предложенную помощь, Шандивар. Но я знаю, кто мне сможет помочь с этим делом.

Алиса тут же оказалась рядом и ухватила за его руку с таким испуганным видом, словно без своего любимого боялась заблудиться в этом мире. Антон понимающе улыбнулся и погладил её по щеке, как бы успокаивая и одновременно подбадривая.

– Прошу простить меня, Высшие,– спокойно произнёс он. – Сегодня из меня получится плохой участник общей медитации. Дайте мне пару дней, чтобы со всем разобраться.

Алиса продолжала сжимать его руку, явно намереваясь следовать за своим любимым куда угодно, хоть в пекло. Но Антон взял её за плечи и отодвинул в сторону.

– Пожалуйста, останься,– попросил он. – У меня сейчас не хватит сил, чтобы позаботиться о твоей безопасности,– он окинул взглядом своих братьев, как бы прося у них помощи.

– Не беспокойся,– вступил Атан-кей,– Алиса пока побудет в моём мире. Там безопасно.

Антон благодарно кивнул своему бывшему наставнику и чмокнул на прощанье Алису в висок. Однако сразу уйти ему не дали.

– А как насчёт твоей собственной безопасности, Аннагорн? – окликнул его Свароин. – Думаю, конечной целью атаки Сабина являешься всё-таки ты.

– Я буду очень осторожен,– фигура Антона подёрнулась рябью и растворилась в воздухе.

Высшие переглянулись. Никто ему не поверил. Они слишком хорошо знали своего собрата, чтобы хоть на минуту усомниться в том, что о собственной безопасности он сейчас будет думать в последнюю очередь.

***

Знакомый топот десятков ног раздался как раз, когда Роб заканчивал десятый круг кóры. Монахи, не стесняясь прихожан, ломились в очередь на получение благословения Его Святейшества, как стадо диких слонов. Роб благоразумно прижался к стене, пропуская ретивых служителей культа. А то ведь затопчут и не заметят. Когда поток бордовых ряс почти иссяк, он пристроился в конец очереди, пропустив заодно и тибетцев, пришедших с утра пораньше за благословением. Спешить было некуда. Шафрановой водички хватит на всех, и Его Святейшество не уйдёт до самого последнего человека в очереди.

Слизнув чуть горьковатую воду с ладоней и вылив остатки себе на голову, довольный Роб отправился проверить, не началась ли пуджа в храме защитников. Каждый раз, производя эти нехитрые действия, он удивлялся эффекту от такого простого и ставшего привычным ритуала.

В каком бы настроении он ни находился, несколько капель шафрановой воды из рук Его Святейшества смывали любые печали и наполняли сердце безмятежностью и покоем.

Роб по опыту знал, что действие благословения продлится как минимум до середины дня, а если не халтурить и добросовестно контролировать свой эмоциональный настрой, то и до вечера. Кем же должен был быть этот человек, чтобы его благословение так мягко и ненавязчиво полностью меняло состояние психики, да ещё и с пролонгированным эффектом? Робу порой казалось, что этот высокий старик с добрым отрешённым лицом никак не может быть обычным человеком, что его человеческий облик – это не более, чем оболочка, скрывающая его истинную волшебную сущность.

Получив разрешение посещать лекции для монахов, Роб поначалу очень стеснялся, старался затесаться в дальние ряды где-нибудь на проходе, как бы подчёркивая, что недостоем дарованной милости. Сами монахи тоже встретили новичка не слишком приветливо, с изрядной долей скепсиса и подозрительности. Прошло почти полгода, прежде чем они перестали неодобрительно коситься на пришлого европейца. Роб вёл себя тихо, как мышка, старался не привлекать к себе внимания, что, впрочем, было несложно.

Понимать лекции на тибетском, когда лама не старался специально для него говорить медленно и внятно, как на ретрите, было очень непросто. Всё внимание Роба было сосредоточено на том, чтобы не потерять нить объяснения, не пропустить что-нибудь важное. Лекции не были посвящены учению дзогчен, они в основном касались текстов более низких колесниц. Но это было даже к лучшему. Для того, чтобы идти дальше, требовалась база, и Роб впитывал учение бон как губка.

Через полгода, когда он немного пообвыкся, и трудности с пониманием отошли на второй план, Роб начал обращать больше внимания на обстановку в классе. Сильнее всего его удивляло, как мало вопросов задавали учащиеся. Да и сами вопросы в основном были просто уточнениями и не касались основополагающих моментов. Сначала Роб подумал, что монахи просто и так всё знают, и им не требуется дополнительных разъяснений. Это вызывало в нём жгучую зависть, ведь в его собственной голове вопросы роились, как пчёлы, и размножались, словно кролики.

Но постепенно до него начала доходить простая сермяжная правда монастырского бытия. Монахам просто не было нужды докапываться до сути, достаточно было услышать и принять услышанное как есть, не пропуская через свой аналитический аппарат. Аналитика была за гранью их должностных обязанностей. Они проходили обучение в монастыре, чтобы обрести тот образ жизни, который был им по вкусу, а вовсе не для того, чтобы постичь все тайны бытия.

Придя к такому выводу, Роб решился и сам начал задавать вопросы Ринпоче. Его вопросы были наивными, но в то же время они требовали обстоятельного ответа и тянули за собой следующие вопросы. Уроки затягивались, монахи недовольно переглядывались и бросали на Роба неласковые взгляды. Через неделю, поняв, что поток Робовых вопросов не иссякает, Ринпоче выделил ему полчаса в день для персональных занятий. На такую удачу парень не смел даже надеяться. Теперь после лекций он пристраивался в хвост за своим обожаемым ламой и шёл к нему домой в комнатку, расположенную на втором этаже общежития для монахов. Они заваривали чай, усаживались на подушки и продолжали беседу уже наедине. Постепенно с общих вопросов бон они перешли к вожделенному Робом учению дзогчен, и жизнь превратилась для искателя истины в сплошной праздник.

Дни шли за днями, приехала ещё одна группа на ретрит к Ринпоче и тоже без переводчика. Роб уже привычно занял место на подушечке по левую руку от трона учителя. На этот раз всё прошло гораздо проще и значительно более гладко. Он заранее изучал тексты и довольно легко следовал за словами Ринпоче. И всё было бы прекрасно, если бы в ретритной компании на этот раз не оказалась одна дотошная тётка. До неё Робу уже начало казаться, что он проник во все тонкости учения дзогчен, что ему всё понятно, и нужно только практиковать,

как указано в текстах, чтобы стать буддой буквально в этой жизни. Но не тут-то было. Наглая тётка расковыривала каждую фразу, сказанную Ринпоче, и вытаскивала на поверхность такие аспекты, которые Робу даже не приходили в голову.

Поначалу лама пытался отделаться от неё формальными выдержками из текстов. К примеру, на вопрос, как воспринимают действительность реализованные йогины, он с хитрой улыбочкой ответил: «как пустую форму пустоты», и всё, типа, объяснил. Другая бы просекла, что наглеть не стоит, но только не эта зануда. Проглотив обиду, тётка немного перефразировала свои вопросы и снова полезла куда не следует. В конце концов Ринпоче открыто заявил ей, что для того, чтобы стать буддой, те знания, которых она жаждет, совсем не нужны. Только вот, по всему выходило, что тётка вовсе и не собиралась становиться буддой, ей это, похоже, было неинтересно. И зачем, спрашивается, тогда приехала на ретрит по дзогчен? А интересовали её вопросы о строении и функционировании мироздания в целом, вернее то, как этот аспект был освещён в учении бон. Потому как, похоже, у неё самой уже имелись некоторые соображения на этот счёт. В конце концов Ринпоче сдался и начал отвечать по существу.

И тут из ответов ламы начала складываться весьма странная картина мира, которая натурально вызвала у Роба оторопь и недоверие. Оказывается, бонпо не верили в существование Всевышнего, да хоть бы и не Всевышнего, а вообще, какой-либо высшей объединяющей силы, чего-то за гранью человеческого сознания. Они рассматривали только индивидуальное сознание или естественное состояние ума как творца всех явлений. Причём эти индивидуальные сознания, с точки зрения бон, были совершенно независимы друг от друга и вообще ничего друг о друге не знали и знать не могли по определению. Открытым текстом в учении об этом ничего не говорилось, и только вопросы неуёмной тётки подвигли Ринпоче дать полноценное объяснение этому аспекту.

Роб послушно переводил ответы ламы, безнадёжно осознавая, что с каждым таким ответом тот прочный фундамент, на котором он построил свой мир, медленно, но верно разрушается, рассыпаясь на отдельные, не связанные друг с другом фрагменты. Под конец ретрита смятение Роба сменила ужасная в своей неотвратимости уверенность – он больше не верил своему учителю. Это было абсолютно неприемлемо, да и просто невыносимо.

***

- *Учитель, а почему Вы называете наше мироздание Игрой в Реальность?*
- *А скажи-ка мне, дружок, что же такое замечательное есть в каждой игре.*
- *Может быть, правила?*
- *Молодец! Конечно же, это правила, жёстко встроенные в алгоритмы Игры, в саму её структуру. Эти правила в нашем случае можно назвать законами мироздания.*
- *Вы хотите сказать, что наш мир – это искусственно созданная конструкция?*
- *Посмотри вокруг. Надеюсь, ты не станешь утверждать, что эти могучие горы, эти зелёные роции и высокие травы, наконец, твоё собственное, такое совершенное тело, всё это проявилось случайно из вечного хаоса, что всё это – просто стечение обстоятельств.*
- *Я не знаю, что сказать, Учитель.*
- *В мире нет случайностей. Проявленная Реальность строится и функционирует по определённым правилам и по замыслу Создателя. Твоё сознание сотворяет твой мир в соответствии с вложенными в него алгоритмами восприятия. Но наша Реальность вовсе не виртуальна и не иллюзорна, она существует, и в этом не может быть никаких сомнения.*
- *Получается, наш Создатель сотворил эту Игру специально для нас, Игроков?*
- *Правильнее будет сказать, что это Игра порождает Создателей, чтобы они в свою очередь сотворяли Игроков. Игра в Реальность пронизывает всё наше мироздание. Наш Создатель – тоже Игрок, только на более продвинутом уровне. И также, как мы являемся Его проявленным сознанием, так и сознание нашего Создателя является проявлением сознания*

высшего порядка, и так до бесконечности. Существует ли какой-то изначальный Создатель, нам знать не дано.

– Но если изначального Создателя может и не быть, то кто же тогда создал Игру в Реальность?

– Я думаю, Игру никто не создавал, она просто есть, всегда была и, хочется верить, никогда не закончится. Она также бесконечна, как само мироздание.

– Если каждый Игрок сотворяет свою собственную Реальность, как же мы все можем играть в одну и ту же Игру?

– Это очень хороший вопрос, мой мальчик. Если бы наши сознания существовали каждое отдельно, то никакой Игры не получилось бы. Тут ты прав. Но ведь это не так, что бы по этому поводу ни говорил твой лама. Мы вовсе не сами по себе. Совокупность всех проявленных сознаний – это лишь ФОРМА существования ЕДИНОВОГО сознания. Создатель соединяет все наши индивидуальные картинки Реальности в единую картину мироздания по определённым алгоритмам и правилам. Теперь тебе понятно, почему мы все воспринимаем наш мир более или менее одинаково?

– Понятно! Почему-то именно на этот вопрос я не смог получить убедительного ответа в монастыре.

– Это потому, что в учении бон нет представления о едином сознании Создателя. В нём рассматривают только никак не связанные между собой индивидуальные сознания. Тот факт, что мы воспринимаем мир одинаково, ламы объясняют наличием у нас одинаковых кармических отпечатков. На мой взгляд такое толкование годится для объяснения, почему мы все воспринимаем, например, воду жидкой, а огонь горячим. Но почему воспринимаемые нами картинки Реальности совпадают вплоть до мельчайших деталей? К примеру, почему мы оба с тобой видим вот эти голубые цветы с розовыми бабочками на покрывале? Разве карма способна такое объяснить?

– Согласен, объяснение несколько притянута за уши. А зачем вообще нужна эта Игра?

– Полагаю, этот вопрос некорректен. Каждый должен решить для себя, как ему относиться к Игре и к своей роли в ней. Но не играть в неё нельзя. Мы – часть Игры, наши сознания встроены в неё изначально. Не играть – это всё равно, что не жить.

Глава 5

– Не надо передо мной извиняться,– голос Вертера был ледяным, как и его пальцы, вцепившиеся, словно клещи, в плечи Антона,– просто спаси мою дочь. И не смей сдаваться, Творец хренов.

– Вер, отпусти меня, пожалуйста,– Антон говорил мягко и, как ему самому казалось, убедительно. – Я не сдамся, обещаю. Вот только, возможно, спасти уже некого.

Только тут Вертер заметил, что со всей дури трясёт друга за плечи, а тот даже не пытается отбиваться. Он усилием воли разжал сведённые судорогой пальцы и опустил руки.

– Я в это не верю,– сказал он уже более спокойно. – Я знаю свою девочку. Она сильная и будет бороться до конца, каким бы он ни был.

– Вер, ты равняешься на ту Дали, которая была Мастером,– возразил Антон,– а твоя дочь совсем другая.

Вертер криво усмехнулся и отвернулся к окну. За окном смеркалось. Кое-где в окнах домов уже зажегся свет, но в квартире Антона царила полутьма. Возможно, хозяин квартиры был так увлечён разговором, что забыл включить освещение, или просто опасался, что при ярком свете не сможет смотреть другу в глаза.

– Не считай меня легковерным идиотом, Тоха,– бросил Вертер через плечо. – Я давно уже понял, что моя дочь – это вовсе не та Дали, в память о которой её так называли. И дело тут не в особых способностях, которых нет у моей девочки. Просто они совершенно разные, только внешне похожи.

– Зато внешнее сходство поразительное,– Антон был рад, что ему удалось переключить друга с истерики на рациональное мышление. – Тебе никогда не казалось это странным?

– Не заговаривай мне зубы,– пробурчал Вертер,– ты собираешься спасти мою дочь?

– Собираюсь попробовать,– осторожно согласился Антон,– только ценой такого спасения может оказаться твоя жизнь, дружище. Эта тварь, что сидит в теле Дали, нацелена только на одно – убить тебя.

– Давай не обсуждать цену, она меня устраивает,– равнодушно ответил Вертер.

Он по-прежнему сосредоточенно смотрел в окно, как будто именно там находилась та волшебная палочка, что поможет спасти его дочь. Антон подошёл и положил руку на плечо друга.

– А меня нет,– сказал он тихо. – Я не готов тебя потерять.

В этот момент под окном затормозило такси, и Марго, сестра Вертера, легко выпрыгнула из машины и помахала снизу стоявшей у окна парочке.

– Ритуся,– удивился Вертер,– зачем она здесь?

– Ты же не думал, что я полезу ковыряться в сознании твоей дочери без специалиста по душевным недугам? – притворно удивился Антон. – А ещё мы привлечём специалиста несколько иного профиля, великого укротителя виртуальных монстров по имени Антоша.

– Это ты о гноме своём говоришь, что ли,– догадался Вертер. – И где же он?

Творец только хитро улыбнулся. Чтобы сражаться с виртуальными монстрами гномику Антоше не нужно было тело, он и сам был виртуальным персонажем. Много лет назад, ещё будучи программистом, Антон написал эту вирусную программу, совершенно не предполагая, что однажды гном станет его соседом и приятелем. Позднее у Антоши обнаружился особый талант, он научился обезвреживать другие вирусные и паразитические программы. Сейчас большую часть своего времени гном проводил в сети, помогая всем страждущим обрести душевный покой. И только в одном из миров Антона под названием Дача он обретал «материальное» тело. Однако для предстоящей операции материальность Антоше была без надобности.

– Так чего же ты тоску на меня нагоняешь,– повеселел Вертер,– ты ведь всё давно продумал. Вот чертяка! Всё норовишь подпустить таинственности.

– Это чтобы ты сильно не надеялся,– охладил его пыл Антон. – Вер, мы сделаем всё, что сможем. Но если её уже нет...

В этот момент входная дверь распахнулась, Марго влетела в комнату и сразу бросилась на шею брату.

– Ты только не влезай, что бы ни происходило,– увещевала она Вертера. – Антон знает, что делать. А мы с гномом ему поможем.

– Вер, тебе придётся остаться здесь, в моей квартире,– распорядился Антон,– а мы пойдём к тебе и подождём, когда Дали вернётся из Школы. Только не высовывайся, пожалуйста, твоё присутствие подействует на паразита, как красная тряпка на быка. Я только потому и не распознал эту заразу, что ни разу не видел вас вместе. А на остальных у неё была вполне адекватная реакция. Ты обещаешь сидеть тихо?

– Тоха, не теряй времени на уговоры,– Вертер хлопнул друга по плечу. – Да я готов даже на голове постоять, если это вам поможет укротить эту тварь. А уж прикинуться ветошью – запросто.

Спасатели направились на выход. Ждать действительно осталось недолго. Скоро Дали должна была появиться в своей квартире. И тогда операция по её спасению вступит в завершающую фазу.

– Тоха,– голос Вертера остановил Антона практически на пороге,– если её уже действительно нет, не делай ничего.

Творец удивлённо уставился на друга. Уж не соберётся ли он удочерить паразитическую сущность только потому, что она обосновалась в теле его дочери?

– Я сам всё сделаю,– тихо произнёс Вертер и снова отвернулся к окну.

Входная дверь захлопнулась, вскоре раздался ещё один хлопок, на этот раз двери напротив. Некоторое время Вертер стоял прислушиваясь, но снаружи не доносилось ни звука. Он прислонился лбом к холодному стеклу и закрыл глаза. Больше всего несчастному отцу хотелось, чтобы всё уже было позади, и Дали снова стала бы его любимой дочуркой. Он ни секунды не верил в то, что паразит сожрал её сознание целиком. Только не его девочку. Она – боец и ни за что не сдастся. Это только с виду она такая мягкая и нежная, а внутри у неё стальной стержень. Да что там сталь! По сравнению с волей его девочки сталь покажется не твёрже пластика.

Вертер вспомнил случай, который произошёл с Дали, когда ей только-только исполнилось пять. Они тогда всей семьёй отдыхали на Волге в маленькой полузаброшенной деревеньке. Просто так сняли домик на месяц, чтобы побыть всем вместе подальше от городской суеты. Единственным сообщением с внешним миром был небольшой пароходик, приходящий по реке два раза в неделю. Он причаливал к маленькой деревянной пристани буквально на десять минут и тут же уплывал дальше по своему маршруту.

В тот день Дали играла на пристани с парой крохотных месячных котят. Было довольно ветрено, по реке шли солидные, почти морские волны, и пристань слегка раскачивало. Один котёнок оступился и свалился в воду. Девочка не задумываясь прыгнула за ним, хотя не умела плавать. Ей удалось подхватить барахтающегося утопленника и уцепиться одной рукой за резиновую шину, прикрученную к причалу. Так она и висела минут десять, если не больше, пока родители её не хватились. Огромные холодные волны накрывали её с головой, а котёнок в ужасе расцарапал ей всю руку и плечо. Но она так и не отпустила ни шину, ни котёнка. От этого приключения у Дали на запястье до сих пор оставался шрам.

За спиной Вертера раздался тихий шорох, и в комнате вспыхнул свет. Он на удачу скрестил пальцы крестиком и медленно повернулся, чтобы встретить вернувшихся спасателей. Но это были вовсе не они. В дверях стояла Дали, и в правой руке у неё был пистолет. От удивления

Вертер замер, так и завершив разворота. Он давно уже не брался за оружие, и в их доме точно не могло быть никакого пистолета. Откуда же дочка его выкопала?

Приглядевшись повнимательней, Вертер удивился ещё больше. Это был его собственный пистолет, тот самый, из которого он случайно убил свою возлюбленную восемнадцать лет назад. Помнится, в состоянии аффекта он тогда бросил оружие прямо здесь, в прихожей Тохиной квартиры, и ему даже в голову не пришло поинтересоваться дальнейшей судьбой проклятого ствола. А вот Дали, как видно, поинтересовалась и нашла.

Лицо дочери исказила гримаса отвращения и злобы, её губы скривились в паскудной улыбочке. Она прищурилась и подняла пистолет в вытянутой руке. Вертер понял, что план друга провалился и приготовился действовать самостоятельно. Какая изощрённая хитрость позволила паразиту избежать расставленной ловушки? Неужели эта тварь смогла просчитать планы Творца? Впрочем, сейчас это было совсем неважно, смотрящее ему прямо в лоб чёрное дуло требовало от Вертера хладнокровной и адекватной реакции.

– Ты собираешься застрелить меня, Дали, – его голос был спокоен, словно это была светская беседа за чашкой чая.

– Ты – мерзавец, – девушка выплюнула оскорбление так естественно, как будто пользовалась подобным лексиконом ежедневно. – Ты заслуживаешь смерти.

– Может быть, объяснишь почему, – Вертер решил потянуть время в надежде, что Антон почует неладное и явится на помощь.

– Ты – убийца! – взвизгнула тварь в теле его дочери.

Вертер невольно поморщился, настолько подобное поведение не вязалось с характером Дали. Однако возражать не стал, ни к чему было её злить. Да и насчёт убийцы она права, если честно. Ему приходилось убивать и не раз.

– Ты всё у меня отнял, – продолжал бесноваться паразит. – Я уже могла бы стать Творцом, если бы ты меня ни убил. И теперь ты за всё заплатишь и вернешь мне мою силу.

– Так вот на какую приманку Сабин тебя поймал, моя милая, – догадался Вертер. – Странно, никогда бы не подумал, что сверх способности для тебя так важны. Или это просто легенда для паразитической сущности? Как бы то ни было, главное, сейчас не спровоцировать её на стрельбу, а там что-нибудь придумается.

– Ты права, я виновен в смерти Дали, моей давней возлюбленной, – Вертер был сама покладистость. – Но ты – не она.

– Заткнись, убийца, – глаза девушки пылали ненавистью, – и не надейся, что тебе удастся запудрить мне мозги, как раньше.

Вертер внимательно всмотрелся в эти, такие родные глаза, превратившиеся в два колодца, до краёв заполненные ядовитой злобой. Ему вдруг показалось, что где-то глубоко, на самом дне зажглись две маленькие тусклые звёздочки, такие жалкие и едва тлеющие в мутной жиже смертельного яда. Нет, не показалось. Его девочка всё ещё была там, скрытая под гнусной личиной злобной твари. Она боролась из последних сил, и сил этих становилось с каждой секундой всё меньше.

– Я не позволю тебе меня убить, – сказал Вертер, спокойно глядя в любимое лицо, искажённое гримасой отвращения. – Ты сгинешь, тварь, а моей дочери потом придётся отвечать за убийство отца. Ей такая карма ни к чему.

– Неужели, – раздался едкий насмешливый голос, – и как же ты мне помешаешь?

Дали поудобней взяла пистолет обеими руками и пристроила палец на курке.

– Ты не успеешь, – Вертер криво усмехнулся, – даже не пытайся.

Тварь по всей видимости делила память с сознанием носителя, поэтому знала о том, с какой фантастической скоростью способен двигаться отец Дали. Насмешливая улыбочка стекла с её физиономии. Пару секунд она обдумывала сложившуюся ситуацию, а потом новый

план созрел в больном воображении паразита. Отступить, по всей видимости, тварь не могла чисто физически. Такой уж её создал Сабин.

– Так это ты обо мне заботишься, – попробовала она зайти с другой стороны. – Может быть, тогда сам всё сделаешь? Расплатишься за все жизни, которые отнял.

Это был неплохой шанс потянуть время. Антону уже давно пора бы было догадаться, что всё пошло не по плану. Так что его появления можно было ожидать в любую минуту. Вертер протянул руку ладонью вверх, как бы предлагая отдать ему оружие. Не то чтобы он действительно собирался застрелиться, просто это была замечательная возможность обезоружить тварь, а уж там Творец с ней разберётся. Увы, планам Вертера не суждено было осуществиться и вовсе не потому, что план был негодный, просто на него не осталось времени.

В течение переговоров с паразитом Вертер не отрываясь смотрел в глаза кривляющейся твари, зацепившись взглядом за две крохотные звёздочки на дне колодца. Он словно бы мысленно разговаривал со своей дочкой, пытался её поддержать, придать ей уверенности и силы. Вдруг звёздочки на мгновение мигнули, как будто прощаясь, и Вертер похолодел. Он отчётливо осознал, что времени у спасателей больше нет. Совсем. Может быть, несколько секунд, не больше.

Холодный ствол наконец лёг в его руку. Паразит отказался от мысли состязаться с Вертером в скорости. Стрелок на автомате проверил заряд и снял пистолет с предохранителя. Горькая усмешка скривила его губы, когда он осознал, что на самом деле ему ничего не грозило, тварь не умела пользоваться оружием. Но сейчас это было уже неважно, потому что Вертер понял, что должен сделать.

– Не бойся, милая, – сказал он звёздочкам, – я знаю, как тебя спасти.

Вертер улыбнулся, приставил ствол к виску и спустил курок. Звук выстрела разорвал тишину, но ещё громче был вопль, который с трудом можно было принять за звук, вырывающийся из человеческого горла. Выполнив свою миссию, паразитическая тварь, сидевшая в теле Дали, аннигилировалась сама по себе. Именно об этой возможности намекал другу Антон, говоря, что не готов заплатить такую цену. Но не ему было решать, судьба распорядилась по-своему.

Когда Антон и Марго примчались в комнату, на полу лежали два тела, Вертера и его дочери. Дали была в глубоком обмороке и едва дышала. Антон отнёс её в спальню, потом оторвал рыдающую Марго от тела брата и отправил её к той, кому ещё можно было помочь. А сам склонился над другом, которому помочь так и не смог. В глазах Вертера не было страдания, в них царила безмятежность, а на губах застыла улыбка. Наверное, он умер счастливым, с радостью заплатив своей жизнью за жизнь дочери. Он не торговался, цена его вполне устраивала.

***

Пожалуй, впервые за всю свою жизнь Роб молился так истово. Если честно, то это вообще был первый раз, когда он сподобился помолиться по-настоящему. Тот набор текстов, который он ежедневно пропевал, согласно предписанному ритуалу, можно было назвать молитвой только с очень большой натяжкой. Правда, время от времени Роб всё же обращался с просьбами к Всевышнему, но это были скорее просто пожелания, типа, «было бы неплохо...». Зато теперь он молился так, как будто от результата зависела сама его жизнь. Впрочем, может быть, действительно зависела.

Его личный опыт столкнулся лоб в лоб с текстом учения, которому до сего момента он верил беспрекословно. Дело в том, что, вопреки словам учителя, Роб совершенно точно знал, что Всевышний существует. Это не имело никакого отношения к вере, просто личный многократный опыт общения с высшей силой. Можно сколько угодно изучать умные тексты и истово верить тому, что в них написано, но если вы пережили что-то на собственном опыте, то это становится вашим знанием раз и навсегда. Таким знанием, от которого вы не откажетесь даже на страшном суде.

Первый опыт общения с Всевышним Роб получил в Катманду. Однажды вечером он, как обычно, отправился походить ко́ру вокруг ступы Боуднах. Жара спала, и народу было много. Бесконечный поток молящихся подхватил Роба и понёс по часовой стрелке вокруг ступы под монотонное пение мантр и аромат тлеющего санга. В толпе в основном были местные, но попадались и туристы, а ещё странные типы, изображавшие то ли юродивых, то ли святых.

Мужчины, женщины и дети разных возрастов деловито накручивали круги коры, перебирая чётки и бормоча мантры. Были там и старички, которые еле плелись, опираясь на палку или костыль, и мамочки, тащившие на руках деток, и кучки школьников в одинаковой форме, ну и, конечно, монахи в бордовых рясах. Людской поток закручивался вокруг белого пупка ступы, создавая ощущение электричества, бегущего по бесконечному замкнутому кругу. Казалось, если всем этим людям раздать лампочки, то те обязательно начнут светиться, настолько мощным был этот поток.

Сделав, как положено, три круга, Роб поднялся по ступенькам внутрь, и, обойдя ступу, уселся помедитировать со стороны, противоположной входу. Там было сравнительно тихо. Энергетический поток, раскручиваясь у подножия ступы, поднимался по пологой спирали к её вершине и остроконечным конусом устремлялся в небо. Роб и сам не знал, откуда ему пришло это видение, но оно было очень чётким, не оставлявшим сомнения в своей реальности. Он прикрыл глаза и почувствовал, как оттуда, сверху, прямо в его макушку словно бы вливается ответный поток яркого белого света, и его тело, пропитываясь этим светом, наполняется невыразимым блаженством.

Роб сидел на ступеньках, не в силах пошевелиться, боясь спугнуть это потрясающее ощущение единения со всем миром. Ему тогда подумалось, что это, должно быть, волшебный город Катманду наконец открыл ему свою душу. Много позже, уже покинув столицу Непала, Роб осознал, что это было на самом деле. Со временем такое слияние с Всевышним стало для него если не обыденным, то довольно частым опытом. Он научился сам его инициировать, не полагаясь больше на счастливый случай, а позже и использовать для получения новых знаний и советов.

Нет, никто не шептал ему на ухо и не подбрасывал сны или видения. Просто через день или два после обращения он внезапно ловил себя на мысли, что знает ответ. Причём знание приходило в полном объёме, без лакун и всегда очень естественно вписывалось в остальную картину мира. С тех пор Роб больше никогда не чувствовал себя одиноким. Он ощущал себя частью чего-то большего, и это ощущение наполняло его спокойствием и уверенностью.

Если б не этот опыт, Роб, наверное, спокойно воспринял объяснения Ринпоче о строении мироздания, в котором не было места Всевышнему. Но такой опыт у него был. И спокойная размеренная жизнь Роба превратилась в круговерть терзаний и сомнений. Через неделю после ретрита Ринпоче выловил своего ученика на ко́ре возле главного храма и пригласил для беседы. К тому времени Роб уже так измучился сомнениями, что не стал таиться и вывалил на своего наставника всю правду, как есть.

Ринпоче надолго задумался, и Роб уже представил, как его сейчас выпрут из монастыря за недостойное поведение или за что-нибудь не менее предосудительное. Но ничего не произошло. Лама посмотрел на Роба своим фирменным слегка насмешливым взглядом и предложил ему самому решать, как со всем этим жить дальше.

– Возможно, тебе нужен другой учитель, из твоего народа,– сказал на прощание Ринпоче. – Попроси об этом своего Всевышнего. Вот так мы и узнаем, есть ли он на самом деле. Согласен?

Роб беспомощно кивнул и в ещё большем смятении ушёл к себе в гестхаус. Натянув трекинговые кроссовки и ветровку, он отправился в горы, чтобы выйти из зоны ответственности защитников монастыря и без помех пообщаться с Всевышним. Ему обязательно нужно

было вернуться до захода солнца. В этот вечер в монастыре праздновали день рождения будды Тонпы Шенраба, и пропустить такое зрелище Роб никак не мог.

***

– Учитель, а какие цели могут быть у Игроков в Игре? Существует ли какой-то заветный приз, к которому нужно стремиться?

– А какую цель ты ставишь перед собой, начиная играть, к примеру, в компьютерную игру? Пройти следующий уровень? Достичь мастерства? Просто провести время? Получить удовольствие?

– По-разному бывает. Это зависит от многих обстоятельств.

– Вот так и другие Игроки сами решают, чего они хотят от Игры в Реальность. Кто-то не ставит перед собой амбиционных целей, сидит на одном и том же уровне на протяжении сотен жизней и наслаждаются своим существованием, а иные хотят развиваться и прилагают для этого соответствующие усилия.

– А что может быть конечной целью такого развития?

– Сам не попробуешь угадать, мой любознательный ученик?

– Я так полагаю, Учитель, что выше уровня Создателя нам не прыгнуть.

– Довольно амбициозная цель, не находишь? Вот только прийти к этой цели можно по-разному. Можно развить своё сознание до Его уровня и слиться с сознанием Создателя, а можно самому стать Создателем. Впрочем, учения буддизма и бон предлагают свой альтернативный путь.

– Слиться с сознанием Создателя – это и есть то, что называют обретением тела бон?

– Всё не так просто, мой дорогой. Давай разберём этот вопрос немного подробнее. В учении бон состояние, которое называется буддовостью, или обретением тела бон, не связывают с избавлением от своей индивидуальности, поскольку не верят в существование единого сознания Создателя. А коли нет ничего, кроме индивидуального сознания, то оно-то и становится буддой. При этом дальнейшее развитие индивидуального сознания прекращается. Стать буддой – это и есть конечная цель развития. Достигнув заветной цели, сознание будды выпадает из круга перерождений и как бы навечно фиксируется в этом конечном состоянии.

– Если обретение тела бон не является слиянием с сознанием Создателя, то что же происходит при слиянии?

– Возможно, это покажется тебе странным, но некоторые аспекты этого состояния будут похожи на обретение буддовости. Слившись с сознанием Создателя, индивидуальное сознание тоже выпадет из круга перерождений и прекратит своё дальнейшее развитие в качестве индивидуального сознания. Разве не забавно? Пути разные, а итог один – остановка в развитии индивидуального сознания человека.

– Значит, это тупик? Сливайся или нет, а дальше не двинешься?

– Увы, учения буддизма и бон ничего не рассказывают о том, каким образом развивается сознание будды. Возможно, это развитие и продолжается на каком-то ином уровне, но об этом ничего не известно. А вот про сознание, ставшее частью сознания Создателя, можно сказать со всей определённойностью, что оно продолжается, но уже не как индивидуальное, а как сознание Создателя. Надеюсь, ты ещё не забыл, что наш Создатель и сам является Игроком? Ему тоже есть куда развиваться.

– А если сознание Игрока само станет Создателем? Что при этом произойдёт?

– Думаю, ты и сам можешь ответить на этот вопрос, мой дорогой. В чём состоит миссия Создателя? Он создаёт свою Игру и проявляется в ней в виде сознаний Игроков. В его Игре могут быть совсем другие правила, и проявленные сознания Игроков могут сильно отличаться от нас. Но сам он так и останется Игроком в нашей Игре. Иерархия проявленных сознаний сохранится. Тебе понятно, о чём я говорю?

– Что ж тут непонятного. Каким бы крутым Создателем ты ни стал для своих созданий, но для нашего Создателя ты так и останешься просто Игроком. И соответственно, из круга перерождений новоявленный Создатель, вероятно, тоже не выпадет, так?

– Все правила Игры будут действовать на него так же, как на остальных Игроков. Но есть одна тонкость. Обладая могуществом Создателя, такой Игрок при желании сможет стать практически бессмертным. Он обретает власть над своим телом в том смысле, что может создать себе любое тело, например, тело вечно молодого человека, его станет невозможно убить обычным оружием, он сможет существовать вообще без тела, так как на самом деле он есть сознание.

– Значит, теоретически новый Создатель смертен, как все остальные, а на деле также выпадает из круга перерождений, как если бы слился с сознанием Создателя. Получается, что цель, которую ставят перед практиком бонпо, и в этом случае достигается, только иными средствами.

– В Игре нет ничего вечного, мой мальчик. Выход из круга сансары – это ещё не панацея от исчезновения из проявленной Реальности. Но в относительном смысле ты прав, регулярного перевоплощения можно избежать, причём разными путями. И какой же путь тебе больше по душе?

– Разве это мой выбор? Мне почему-то кажется, что моя роль в Игре предопределена.

Глава 6

Пламя погребального костра взметнулось к небесам, превращая тело Вертера в пылающий факел. От огня дохнуло жаром, и Антон невольно отвернул лицо, по его губам скользнула горькая усмешка. Ну кто ещё, кроме его неугомонного друга, мог похвастаться тем, что его дважды похоронили в одном и том же месте. Вот и не верь в судьбу после этого. Рука Алисы сжала его ладонь, словно любимая пыталась передать облажавшемуся Творцу частичку своей уверенности и силы. Поддержка сейчас была совсем не лишней, его способность к самоконтролю дала сбой. Чувство вины за случившуюся трагедию, которую вполне можно было предотвратить, разрывало его сердце. И никакие рациональные соображения не помогали.

Это он должен был распознать опасность и спасти дочь Вертера. Но не смог, и другу пришлось заплатить своей жизнью за его ошибку. И ещё не факт, что его жертва была оправдана, последствия случившегося для Дали были пока неясны. Сможет ли бедняжка оправиться от такого потрясения? Это покажет только время. Сквозь рыжее бушующее пламя Антон взгляделся в стоящую с другой стороны костра девушку. Её тело было напряжено, словно струна, бледное лицо застыло мраморной маской, а широко распахнутые глаза оставались сухими. Марго сейчас постоянно находилась рядом с Дали, что-то там колдовала с её психикой, но пока старания целительницы не особо помогали.

Когда девушка пришла в себя после акта экзорцизма, который её отец устроил внедрённой в сознание дочери твари, то поначалу они с Марго решили, что её психика пострадала безвозвратно. Дали кричала, билась в истерике, куда-то рвалась бежать, слёзы лились рекой из её глаз. Только к утру, благодаря стараниям целительницы, бедняжка затихла и провалилась в тяжёлый беспокойный сон. Антон на всякий случай просканировал её сознание, паразитическая программа исчезла бесследно. Как он и предполагал, в паразита был заложен код на самоуничтожение после смерти Вертера, чтобы не оставлять следов, по которым можно было бы отследить источник заражения.

Посоветовавшись, они с Марго пришли к заключению, что похороны отца психика Дали не выдержит, и решили отправить её куда-нибудь в безопасное место, например, в мир Дачи, пока сами будут заняты погребальными обрядами в Убежище. Но к середине дня девушка проснулась совершенно спокойная и вполне вменяемая. Она и мысли не допускала, чтобы пропустить проводы своего любимого папочки. И они согласились. Похоже, что зря. Оказавшись в мире Убежища, Дали словно впала в ступор, она слышала голоса окружавших её людей, но реагировала как механическая кукла: шла, куда её вели, останавливалась там, где просили, на вопросы не отвечала, только смотрела не отрываясь на тело отца.

Никакие попытки Марго вывести её из этого состояния не увенчались успехом. Даже когда тело Вертера превратилось в пепел, девушка никак не могла отвести глаз от догорающего костра. Пришлось уводить её силой. Когда похоронная процессия вернулась в дом, Дали вдруг как-то сразу отпустило, её тело обмякло, но лучше от этого не стало. Девушку начало трясти как в лихорадке, в глазах появилось выражение обречённости, словно на том погребальном костре сгорела её собственная жизнь. Марго отвела бедняжку в её комнату в Убежище и дала ей лошадиную дозу снотворного. Она знала, что время лечит, но в данном случае вовсе не была уверена в компетентности этого волшебного доктора. Состояние Дали, по мнению целительницы, было критическим.

После похорон Антон вышел на открытую площадку, висящую над ущельем. Ему нужен был свежий холодный воздух, чтобы хоть как-то дышать. Находиться внутри дома было невозможно. Он стоял на самом краю площадки, опасно свесившись за перила. Его взгляд упирался в дно ущелья, где в непроглядной черноте шумела бурная река, прыгая по обломкам скал. Саму реку было не видно, даже в полдень солнечные лучи не проникали в эту вечную тьму. И это

было к лучшему. Куда бы Антон ни смотрел, перед его взглядом всё время всплывало мёртвое лицо друга с безмятежной улыбкой на губах. Вертер упрямо продолжал улыбаться, даже когда его тело возложили на погребальный костёр. Наверное, даже пламя, взметнувшееся к небесам, было не в силах стереть эту улыбку. Вот так он и ушёл из нашего мира, безмятежно улыбаясь.

– Я найду его,– твердил Антон, как мантру, словно пытался убедить невидимый водный поток.

– Антон, не нужно так,– в который раз увещевал его Тарс, пристроившийся в кресле за спиной своего бывшего ученика. – Клятва Творца – это не пустые слова.

– Я найду его,– упрямо повторил Антон,– найду и верну ему память. Моему братцу не удастся отнять у меня друга.

– Ты даже не представляешь, какая участь может ждать самоубийцу,– возразил Тарс. – Не уверен, что у Вертера есть шанс на перевоплощение в ближайшем будущем.

– Самоубийцу?! – Антон вздрогнул и резко обернулся к своему собеседнику. – О чём ты говоришь, Тарс? Это всё равно, что назвать самоубийцей воина, закрывшего своей грудью вражеский пулемёт. Просто Вертер не видел другого способа спасти дочь.

– А откуда он вообще мог знать, что это сработает? – Тарс скептически скривился.

– Я сам ему подсказал сдуру,– Антон со злостью пнул ногой снежный ком, не вовремя подвернувшийся расстроенному Творцу. – Вот не дал же бог таланта вовремя заткнуться.

– Не кипятись,– попытался урезонить его бывший наставник. – Думаешь, было бы лучше, если бы мы сейчас, вместо Вертера, сжигали тело его дочери?

– Тарс, заткнись. И без тебя тошно,– Антон снова отвернулся и уставился на далёкие снежные вершины.

Над остроконечными пиками развевались белые флаги, словно горы тоже оказывали последние почести ушедшему. Нет, Антон не создавал эти флаги специально, хотя и мог бы легко это сделать, ведь мир Убежища был и его творением. Возможно, это сделал Тарс, но скорее всего, просто сработал какой-то автоматический алгоритм. Так или иначе это было очень символично. В похоронные размышления Антона снова вклинился голос его бывшего наставника. Просьба заткнуться его не остановила.

– Антон, а ты не думаешь, что твой друг в следующем воплощении не захочет тебя больше знать? – назидательно произнёс он, словно специально задался целью довести своего собеседника до белого каления. – Ведь твоя ошибка в конечном счёте стоила ему жизни.

Если Тарс надеялся своей бесцеремонностью выбить Антона из его скорбного транса, то сильно просчитался. Тот даже не поморщился. Жизнь давно научила его, что за ошибки рано или поздно приходится платить. И цена его не волновала, как и Вертера.

– А что, если он вообще захочет тебе отомстить? – продолжал настаивать Тарс.

– Захочет, значит, отомстит,– безразлично отозвался Антон. – Это его право. И что это меняет?

– Возможно, тебе стоит ещё раз хорошенько подумать, прежде чем принимать такое серьёзное решение,– предложил Тарс. – Боюсь, смерть Вертера может оказаться просто ловушкой. Этот капкан расставлен на более крупную дичь. На тебя.

– Я уже совершил одну ошибку,– мрачно процедил Антон,– больше никто не будет плачливаться за мою глупость.

– А тебе не кажется, что твой брат рассчитывает именно на такую твою реакцию? – Тарс подошёл к своему собеседнику и встал рядом. – Чувство вины – это идеальная брешь в твоей защите.

Да, Тарс несомненно был прав. Смерть друга здорово подкосила Антона. И от чувства вины никуда было не деться. Тут никакие логические доводы не помогали. И то, что Вертер, скорее всего, был для Сабины лишь средством, чтобы расправиться с братом, делало его ошибку ещё отвратительней. Это он должен был погибнуть, а вовсе не друг.

– Антон, рано или поздно тебе придётся принять тот факт, что Сабин тебя переиграл, – жёстко отчеканил Тарс. – И чем раньше ты это сделаешь, тем лучше будет для всех. Твой брат не остановится на единственной жертве. Кто из твоих близких станет следующим?

Да, вопрос был не праздным. С Сабина станется устроить геноцид всех, кто дорог его брату. Может быть, таким образом он надеется, что Антон просто не выдержит и сам сдастся на милость этого убийцы? А ведь это не такое уж бредовое предположение.

– Я бы дорого дал за то, чтобы поговорить с Сабиним по душам, – Антон в сердцах стукнул кулаком по перилам. – Никогда не думал, что когда-нибудь буду желать этой встречи.

– Не жди, что он согласится на честную схватку, – покачал головой Тарс, – Сабин будет избегать открытого столкновения и наносить удары исподтишка. Придётся его выследить и обложить, как зверя, в его собственном логове.

– Вот только не нужно меня держать за инфантильного идиота, – голос Антона стал ледяным. – Я уже пробовал его найти и не раз. Сабин исчез вместе со своим эльфийским лесом. Его нет в доступной мне базовой Реальности, и никаких новых миров за это время тоже не появилось. Ищейка, к сожалению, не умеет искать Творцов. Я не знаю, где он находится и что задумал.

– Зато он знает, где тебя искать, – тоскливо вздохнул Тарс, – тебя и твою Алису.

При упоминании имени своей любимой Антон вздрогнул. Нет, Алиса сейчас в безопасности, братцу до неё не дотянуться. Сразу после похорон Атан-кей укрыл её в своём мире, который надёжно изолирован от базовой Реальности. Хочется думать, что надёжно. Но как-то же Сабин достал Дали, хотя она практически не вылезала из Убежища. А ещё он сделал невозможное и выбрался из стасиса. Без посторонней помощи тут явно не обошлось. Кому же под силу оказался такой подвиг?

Когда они с Тарсом сами ныряли в погружённые в стасис миры Высших, то очень быстро выяснили, что это было далеко за гранью возможностей рядового Творца. Антон смог вытащить Орэя и Атан-кея только благодаря Алисе, ментальному слиянию с источником созидательной энергии, которым она являлась. А позже Высшие проделывали этот трюк строго вдвоём. Поодиночке даже у них сил не хватало. Откуда же в нашей Реальности было взяться неизвестной парочке Высших Творцов, чтобы взломать стасис в эльфийском лесу?

Мозг упрямо отказывался работать. Вертер, как живой, стоял у Антона перед глазами, и сил думать о чём-то, кроме смерти друга, у него не было. А разгадать эту тайну нужно было как можно скорее, по горячим следам, пока Сабин не нанёс свой следующий удар. Единственной ниточкой к падшему Творцу, по мнению Антона, был тот красавчик-индус, что заморочил голову Дали. Но эта ниточка оборвалась. Амар исчез за день до смерти Вертера, даже никаких его вещей в Убежище не осталось. Это несомненно свидетельствовало о его причастности, но никак не облегчало поисков Сабина.

– Как там Дали? – участливо поинтересовался Тарс. – Думаешь, она оправится от всего этого кошмара?

– Дали! Ну конечно. Какие же мы идиоты, – Антон мысленно обругал себя за тупость. – Именно она является ключом к разгадке этой тайны. Нужно было поговорить с девушкой, прежде чем напичкать её транквилизаторами. Было бы сейчас чем заняться. Она-то уж точно должна знать, где искать Сабина. Как-то ведь они должны были встретиться, когда он подсаживал в её сознание эту паразитическую программу. А мы опять повели себя как дети малые. Пожалели девушку. Это же безнравственно терзать убитую горем малютку, допрос подождёт. А если нет? Если будет уже поздно? Этого её кавалера из бывших Охотников уже и след простыл. А ведь всего пару дней назад его ещё можно было отловить рядом с Дали.

– Антон, – перебил его размышления Тарс, – а около Дали кто-нибудь дежурит? Хочешь, я её посторожу?

Похоже, мысли двух Творцов текли в одном направлении. Последнюю оставшуюся зацепку в этом деле следовало охранять как зеницу ока.

– Хорошо, иди,– согласился Антон,– а я запущу Ищейку по следу Амара. Этот тип, по крайней мере, точно не Творец, должно получиться. Встретимся в каминном зале через пару часов.

Но встретились они гораздо раньше, потому что Дали в её комнате не оказалось.

***

Начало смеркаться, и Роб засобирался домой. Он медитировал и молился добрых три часа, но, разумеется, никаких однозначных ответов от Всевышнего пока не получил. Вообще-то, он не особо надеялся на сиюминутный результат. Это работало совсем не так. Роб точно знал, что знание придёт само в течение пары-тройки дней, максимум недели без каких-либо дополнительных стараний с его стороны. Так и раньше бывало, и сейчас не было никаких причин сомневаться в том, что молитва сработает.

Роб переоделся, чтобы выглядеть поприличней, захватил свечку и отправился на праздник к главному храму. Храм выглядел очень нарядно. Разноцветные лампочки, украшавшие крышу и главный вход, ярко светились в темноте, придавая ему вид пряничного домика. На ступенях перед храмом на больших позолоченных блюдах были разложены подношения и раскрашенные торма́, горели масляные светильники, большая тханка с изображением Тонпы Шенраба свисала с высокого портика. Двери храма были закрыты, предполагалось, что всё действие будет происходить на поляне перед входом, где росло старое, но ещё могучее дерево бодхи. Народу собралось много, помимо монахов, на праздник явилось практически всё местное тибетское население, а также гости монастыря и даже некоторые индусы, жившие по соседству. Все зажгли свечки, и поляна осветилась тёплым мерцающим светом.

После праздничных молитв Его Святейшество взял свою свечу и пошёл по закручивающейся спирали вокруг дерева бодхи, напевая сердечную мантру. За ним потянулись ламы и монахи. Монашки пристроились в хвост за мужским населением монастыря, а потом по одному к хороводу начали присоединяться светские. Роб тоже пристроился за какой-то молодой женщиной в тибетском наряде. Хоровод из горящих свечей закручивался всё туже, протяжная мелодия мантры плыла над храмом, и невольно возникало чувство, что это не отдельные люди, а гигантская светящаяся змея выползла на поляну, чтобы поприветствовать будду в его день рождения.

Когда все участники праздника заняли свои места в хороводе, мерцающая змея на секунду замерла, а потом начала раскручивать свои кольца в обратную сторону. Женщина, шедшая перед Робом, вдруг поскользнулась на влажной траве и качнулась в его сторону. Роб не растерялся и подставил ей свободную руку, чтобы она удержала равновесие. Рука женщины инстинктивно ухватила его запястье, и парня будто ударило током. Он сбился с шага и застыл на месте, не понимая, что с ним происходит. Жаркая волна прокатилась по его телу от ног до макушки.

Женщина обернулась, чтобы поблагодарить за помощь, и их глаза встретились. Роб готов был поклясться, что раньше уже смотрел в эти бездонные ярко-голубые глаза, которых просто не могло быть у тибетки. Может быть, в другой жизни или в ином мире. Кто знает? Женщина улыбнулась, продолжая опираться на его руку, и они не сговариваясь встроились в людской поток вдвоём бок о бок. Никто как будто ничего не заметил, никто не сделал им замечания. Хоровод вышел из ворот храма и потянулся по дорожке вокруг монастыря на большую кору.

Роб и его спутница шли вместе, держась за руки и освещая себе путь свечками. На внешней коре было темно, никаких электрических фонарей, только колеблющиеся язычки пламени вырывали из мрака фигуры людей, медленно бредущих по каменистой тропинке. Где-то у монастырской библиотеки свеча в руке Робана вдруг замигала и погасла. Свеча его спутницы повторила тот же манёвр, и паломники остались в полной темноте. Роб обнял свою спутницу за

талию, чтобы вроде как поддержать её на тёмной неровной дорожке, а та, ничуть не смущаясь, положила голову ему на плечо.

И снова жаркая волна накрыла Роба. Сам не понимая, что делает, он очень осторожно, словно хрустальную чашу, взял лицо незнакомки в свои ладони и нежно притронулся губами к её губам. Неизвестно, чтобы он стал делать, если бы возмущённая его выходкой женщина подняла скандал. Но этого не произошло, она ответила на поцелуй, и вскоре они уже страстно целовались, спрятавшись за стеной, опоясывавшей библиотеку. А поток мерцающих огоньков протекал мимо, озаряя на миг их лица и руки. Протяжная мелодия сердечной мантры витала над их головами и уносилась назад к храмовой поляне.

Они не сказали друг другу ни слова, даже не попробовали выяснить, на каком языке могли бы быть произнесены эти слова. Роб молча обнял свою спутницу и потянул её в сторону библиотеки. Ночью здание библиотеки, разумеется, было заперто, но у парня имелся ключ от располагавшегося на крыше помещения для медитаций. Он даже толком не сообразил, как они там оказались, всё происходило как бы само собой, без его вмешательства. Внутри было тепло, в темноте можно было разглядеть только белые колонны и статуи будд с белыми лицами. Не зажигая освещения, они пробрались к темнеющей в углу стопке подушек и ковриков и наощупь соорудили себе что-то вроде любовного ложа, попутно раздевая и лаская друг друга.

Роб бережно уложил незнакомку на подушки и вошёл в неё так нежно, словно боялся поранить. А вот она ничего не боялась. Её руки и ноги с силой обвили вокруг тела Роба, не оставляя между их телами даже крохотной щёлки. Они как будто вдруг превратились в единое двухголовое существо. Через секунду нечаянные любовники уже неистово катались по подушкам, сжимая друг друга в объятьях. А статуи будд недовольно косились на их акробатические упражнения, но молчали. Они-то точно знали, что от кармического воздаяния этим двоим не уйти, некуда спешить.

Не грянул гром, и свод не обрушился на головы святотатцев. Утомлённые, они лежали на подушках, так и не разорвав свои объятия. Издалека всё ещё доносилась мелодия мантры, но уже совсем тихо, наконец и она растворилась в звуках ночи. Роб покрывал поцелуями лицо незнакомки, не пропуская ни миллиметра, а она улыбалась и ловила своими губами его губы. Наконец ей это удалось, и долгий поцелуй плавно перешёл в страстный секс. Будды опять промолчали и продолжали хранить молчание всё время, пока любовники не выдохлись окончательно и не уснули в объятьях друг друга.

Роб проснулся от холода, когда за окном едва развиднелось. Ключья серого тумана медленно стекали с гор и накрывали долину мохнатым одеялом. Судя по высоте туманного облака, ещё не было и шести. В зале для медитаций Роб был один посреди разбросанных по полу подушек. Ни незнакомки, ни её одежды. Покинутый любовник недоумённо огляделся и попытался сообразить, как же она умудрилась выскользнуть из его объятий, не разбудив его. На миг ему даже показалось, что ночное приключение было просто сном. Но Роб отогнал эту мысль как совершенно бредовую.

Быстро нацепив на себя всю имевшуюся в наличии одежду, чтобы не продрогнуть окончательно, парень принялся собирать подушки обратно в стопку. Было ещё темно, и он чуть было не раздавил изящную серебряную серёжку в форме бабочки, забившуюся в щель между подушками. Крылья бабочки покрывала розовая эмаль, а на тонких усиках, словно капельки, повисли два крохотных прозрачных кристаллика. Вещица была столь изысканная, что поверить в то, что она принадлежала тибетской женщине, было никак невозможно.

Роб видел лицо незнакомки только в мерцающем неверном свете свечи, но готов был поклясться, что ничего монголоидного в её чертах не было. Откуда же здесь взялась эта удивительная женщина, оставалось загадкой. Может быть, пока он медитировал в горах, в гестхаус на праздник пожаловала делегация из какой-нибудь европейской страны, а тибетское платье она надела просто для антуража. Это предположение показалось Робу логичным. Значит, он

найдёт свою ночную фею утром в гестхаусе. Влюблённому парнишке даже в голову не пришло, что та, возможно, не захочет его больше видеть.

В гестхаусе Роб жил в одной из самых дешёвых комнат на нижнем этаже здания. Нагревателя для воды в ней не было, так что толком помыться и постираться можно было только после обеда, когда водяной бак на крыше достаточно прогрелся на солнышке. Ранним утром рассчитывать на тёплую воду было бессмысленно. Но это было даже к лучшему. Его тело и волосы всё ещё хранили едва различимый запах духов ночной незнакомки. Что-то сладковато-ягодное с налётом хвои. Решив, что ничего дурного не случится, если он немного оттянет момент принятия водных процедур, Роб разделся и нырнул под одеяло. До завтрака можно было часик-полтора понежиться в постели, хотя термин «понежиться» к этому шаткому дубово-жёсткому топчану можно было применить с большой натяжкой.

Правда, оказалось, что заснуть он не сможет. Запах духов незнакомки витал над подушкой и возбуждал не хуже виагры. Роб крутился на топчане и тонул в сексуальных фантазиях. Он представлял, как они встретятся за завтраком, и что будет с ними дальше. В общем, рефлексировал, как подросток, понимал это и ничуть не огорчился такому раскладу. Ему даже в голову не пришло, что заниматься сексом в монастыре, да ещё с абсолютно незнакомой женщиной было из разряда абсолютно недопустимых грехов. Вообще-то, он даже не мог назвать сексом то, что произошло между ними этой ночью. Скорее, это было слияние двух существ, самой судьбой предназначенных друг другу. Вот как-то так он себе это и представлял.

Увы, судьба оказалась коварной обманщицей. Ни в гестхаусе, ни в монастыре ночной незнакомки отыскать не удалось, никто о ней даже не слышал. Голубые глаза, говоришь? У тибетки? Шутишь, наверное. Вот так ему и отвечали. Впрочем, в своих предположениях Роб всё-таки не ошибся, в гестхаус действительно приехали гости из Европы. Их было пятеро, и среди них была только одна женщина лет пятидесяти, худющая, как селёдка. Фея розовой бабочки просто испарилась, от новоявленной Золушки осталась только серебряная серёжка.

***

— Очень любопытно. Значит, ты веришь в предназначение, юноша? Могу я спросить, почему?

— Просто мне кажется, что у Создателя должен быть план для каждого своего творения. Какой смысл создавать дубликаты?

— Что ж, если твоя жизнь заранее расписана, к чему трепыхаться? Живи и наслаждайся. Ты так это себе представляешь?

— Нет, Учитель. Я не думаю, что моя жизнь расписана до деталей. Но моя роль в Игре совершенно точно определена, хотя бы в общих чертах. У меня, как и у всех, есть своя миссия, ради которой я и воплотился в Реальности.

— Даже не знаю, что на это ответить, мальчик мой. Не ожидал, что мне посчастливится встретить такого мудрого ученика. Ты абсолютно прав, у каждого Игрока есть своя роль в Игре, уникальная роль, предназначенная только для него.

— Почему Вы говорите это с такой грустью, Учитель? Разве это не прекрасно?

— Это просто великолепно, если тебе отведена роль героя. А что, если это роль злодея? Ты бы добровольно согласился её играть?

— Разве у нас есть выбор?

— Конечно, есть. В нашем мире действует непреложный закон свободы воли. Ты вправе выбирать. Кстати, большинство Игроков только и делают, что играют в чужую Игру. Это не приносит им счастья и тормозит их развитие, но принуждать таких Игроков вернуться на свой путь никто не станет. Выбор есть выбор.

— И как же мне понять, какую роль отрядил мне Создатель? От счастья я бы не отказался.

– А вот как раз по тому ощущению полноценности бытия, что сопровождает правильный выбор, и можно определить своё место в Игре. Возможно, с твоим предназначением я смогу тебе помочь. Дай мне немного времени.

– Интересно, а какие перспективы развития могут быть у злодея? Мне кажется, Создатель, наоборот, должен тормозить мерзавцев, не давая им зайти слишком далеко.

– Уж не примеряешь ли ты на себя эту роль, мой дорогой ученик? Не обижайся, я просто пошутил. А если говорить серьёзно, то и среди заблудших душ встречаются гении. Это гении злодейства. Для них разрушение – это что-то вроде искусства, и они могут достичь совершенства на этом поприще. Созидание и разрушение – это ведь суть одно явление, только проявленное в своих двух крайних ипостасях. Не забывай этого. А нашему Создателю интересны все грани бытия. В конце концов, плохими или хорошими различные явления делают только наши оценки. Сами по себе они нейтральны. Поэтому не спеши судить других, лучше просто наблюдай. От этого будет куда больше пользы.

– Получается, если тебе уготована роль злодея, то, как ни рыпайся, только на этом поприще у тебя есть будущее. Печально.

– В нашем мире нет ничего постоянного. Герои становятся злодеями, а злодеи – святыми. И кроме того, существует ещё такой замечательный стиратель памяти, как смерть. В каком-то смысле нам повезло, что в Игре в Реальность есть такая функция, как перевоплощение. Смерть – это шанс сменить своё амплуа и начать новую Игру, если прежняя не задалась.

– Странно, а в учении бон говорится, что нужно стремиться выйти из круга сансары. Если перевоплощение – это благо, то зачем от него отказываться?

– Выход из круга перерождений предполагает, что ты уже стал буддой, то есть достиг конечной точки развития. Кстати, пока ты учился в монастыре, тебе никогда не приходило в голову, что на самом деле наш путь не имеет конца.

– Для бонпо эта мысль кощунственная, ведь буддовость – это и есть конец в каком-то смысле. Но должен признаться, что я думал об этом. Если мироздание бесконечно, то с какой стати должен быть конечен наш путь развития? Вот только если...

– Что тебя смущает, ученик?

– А наш Создатель может умереть и уйти на перевоплощение? И что тогда будет с нами?

– В какую Игру играет наш Создатель, нам неизвестно, и есть ли в той Игре такая опция, как перевоплощение, тоже. Но если она есть, и Создатель умрёт, то все наши сознания с ним насильственно сольются. Это я могу сказать наверняка.

– Откуда такая уверенность, Учитель?

– Просто поверь.

Глава 7

Дали не сразу поняла, что с ней происходит что-то странное. Сначала она просто чувствовала обиду на отца за то, что он не рассказал ей всю правду. Понятно, что ему больно было вспоминать, как он случайно оборвал жизнь своей возлюбленной. Но ведь эта история имела самое непосредственное отношение к жизни самой Дали. Это ведь была её оборванная жизнь, её несбывшиеся мечты стать Творцом Реальности. А теперь ей приходилось осваивать все техники заново, с чистого листа. Сила Мастера, которая кипела в ней в прошлом воплощении, ушла вместе с жизнью и никак не желала возвращаться.

Несколько раз Дали порывалась припереть своего папочку к стенке и потребовать ответов на все наболевшие вопросы. Но каждый раз, когда она его видела, её рассудительность куда-то улетучивалась, и, вместо обстоятельного разговора, получалась гадкая ненужная ссора. Она срывалась по пустякам, дерзила и норовила задеть отца за живое, побольней обидеть, чтобы он почувствовал, каково приходится ей самой. Притворно-недоумённый взгляд убийцы, которым он встречал её нападки, только сильнее распял её праведный гнев.

Только через пару дней Дали осознала, что её поведение неадекватно. Как будто в неё вселился мерзкий и наглый бесёнок, отнимавший способность мыслить здраво, стоило только какой-нибудь мелочи напомнить ей об отце. А уж если она встречалась с папой лицом к лицу, то бесёнок просто сводил её с ума. Девушка пыталась успокоиться, много медитировала, гуляла, но с каждым часом ситуация становилась всё хуже. Наконец она не выдержала и отправилась к Учителю. Вот только до Учителя Дали не дошла. Уже стоя перед его дверью, она с ужасом поняла, что не в состоянии пошевелиться. Девушка застыла словно соляной столб с рукой, занесённой над ручкой двери Учителя, и не могла двинуть даже мизинцем. Она попыталась закричать, но голос тоже отказался её слушаться. Паника накрыла бедняжку с головой, отнимая последний шанс к сопротивлению.

Дальше стало только хуже, Дали сделалась пленницей в собственном теле. Всё, что ей теперь оставалось – это наблюдать, как мерзкий бесёнок захватывает её тело, мысли, чувства, вытесняя саму Дали куда-то в самый дальний закуток её сознания. И пространства в этом закутке оставалось всё меньше. Нет, она не сдалась, просто силы были неравны. Старик с синими, как небо, глазами оказался омерзительным, но очень могущественным колдуном. Дали не сомневалась, что это именно его чары постепенно уничтожали её личность, замещали её сознание сущностью, единственной целью которой было убить её папу.

А ведь старик казался таким добрым, понимающим. Он ничего не хотел от невинно пострадавшей девушки, просто предложил свою помощь, чтобы вернуть утраченные способности Мастера. И Дали согласилась. Амар проводил её на ту заветную полянку с каменными менгирами в середине, а сам куда-то исчез, оставив свою любимую на съеденье колдуну. Вот так она и сделалась пленницей в собственном теле. И освободила её только смерть папы, как того и хотел этот синеглазый урод. Уж лучше бы отец позволил ей умереть, навсегда исчезнуть, раствориться в небытии. Если бы она могла выбирать...

Проходя по шаткому мостику, перекинутому через ущелье, Дали обернулась, чтобы ещё раз увидеть то место, где тело отца предали огню. Над редкими елями, растущими вокруг поляны, всё ещё поднимался дым от догоревшего погребального костра. На какой-то миг ей почудилось, что сквозь дымный столб, поднимающийся в ясное голубое небо, на неё смотрит усмехающееся лицо колдуна с развевающейся седой бородой. Девушка вздрогнула и испуганно отвернулась. И тут ей пришла в голову одна простая и очевидная мысль. Ей больше нечего было терять. Она осталась совсем одна на этом свете без надежды и желания жить дальше. Но одно дело ей всё-таки нужно было закончить. Отомстить за отца. Мерзкий колдун просто не имел права жить.

Дали не заметила, как оказалась в своей комнате в Убежище. Марго тревожно заглядывала ей в глаза и о чём-то спрашивала, но девушка её не слушала. Мысль о мести захватила её целиком. Она сделала вид, что выпила пилюли, выданные ей тёткой, послушно улеглась в постель и отвернулась к стене. Как только дверь за Марго закрылась, Дали выплюнула лекарство и переоделась в удобные джинсы и майку. На полянке с менгирами, где окопался старый колдун, было тепло, куртка ей не понадобится. Имелась, конечно, одна трудность, Дали понятия не имела, где находилась та полянка, и как ей туда добраться. Но это дело десятое. Для начала нужно было раздобыть пистолет, из которого отец выстрелил себе в висок. Будет только справедливо, если колдун сдохнет от пули из того же пистолета.

Девушка закрыла глаза и перенеслась в квартиру дяди Антона. Пистолет отыскался не сразу. Хорошо ещё, что взрослым было не до того, чтобы вовсе избавиться от оружия, но пришлось всё же повозиться, прежде чем она его нашла. Засунув пистолет за пояс джинсов на спине и прикрыв его майкой, Дали удобно уселась на диван, скрестив ноги, закрыла глаза и принялась во всех подробностях вспоминать злосчастную поляну. В первый раз Амар довёл её только до тропинки, а дальше она шла самостоятельно. Но тропинка была самая обычная, ничем не примечательная, и вряд ли Дали смогла бы вспомнить на ней какие-то конкретные ориентиры. Так что оставалось надеяться только на саму поляну.

До сих пор самостоятельно девушка могла перемещаться только между домом и Убежищем, но ей казалось, что никакой принципиальной разницы при замене места быть не должно. Вот только разница была. Промучившись с полчаса, Дали совсем отчаялась и уже было собралась вернуться в Убежище, когда ей на память пришла сцена с серебряной розой. Может быть, Амар нарочно подарил ей розу с острым шипом, чтобы она укололась? Дали вспомнила, как застывший эльфийский лес моментально ожил, когда капля её крови упала в траву. А вдруг её кровь являлась своеобразным пропуском в иные миры? Попробовать стоило. Роза осталась в Убежище, поэтому Дали просто сходила на кухню и выбрала нож поострее.

На этот раз всё сработало. Зажав неглубокий порез на левой ладони, девушка стояла у края поляны и с недоумением разглядывала статного черноволосого мужчину, греющего руки у костра. Одет он был в замшевую куртку и брюки, заправленные в сапоги. Чем-то он неуловимо напоминал дядю Антона. Только был лет на десять старше и более плотного телосложения.

– Здравствуй, доченька, – голос был знакомым, ласковым, завораживающим.

Этот голос совершенно точно принадлежал колдуну, вот только сам колдун преобразился до неузнаваемости. Куда делись седая борода и бесформенный плащ с капюшоном? Человек у костра был никак не старше сорока, гладко выбритое лицо, довольно короткая стрижка и костюм с откровенной претензией на изящество. Он поднялся на ноги и повернулся лицом к Дали. Алые язычки пламени тут же заплескали в синих, как осеннее небо, глазах.

– Оказывается, ты не такая уж бесталанная, если сумела найти сюда дорогу, – в голосе колдуна были явственно слышны нотки удивления. – Возможно, я бы даже поверил, что ты и есть реинкарнация Мастера Игры, если бы точно не знал, что это не так, – он упёр руки в бока и гнусно захихикал.

У девушки перехватило дыхание. Выходит, этот мерзавец специально ей врал, что она в прошлой жизни обладала способностями Мастера. Он просто тупо заманил её в ловушку, воспользовался её любопытством и желанием обрести якобы утраченные силы. А способностей, оказывается, и не было.

– Как же ты сюда попала? – полюбопытствовал колдун. Он без стеснения разглядывал совсем растерявшуюся девушку и, конечно, заметил кровь на её левой руке. – Понятно, – он одобрительно кивнул, – магия крови, значит.

– Какая ещё магия крови? – вскинулась Дали, ни о какой такой магии Учитель не рассказывал. Если честно, слово «магия» вообще никогда не произносилось в стенах Школы.

– Ох, уж эти ваши Творцы,– посетовал колдун,– только и умеют, что управлять чистыми энергиями. Но мир гораздо сложнее, девочка моя. В нём есть ещё и магические ритуалы, и заклинания, и могущественные артефакты. Ты не знала?

Дали поймала себя на том, что опять, как загипнотизированная, слушает его голос. Она встряхнулась. Нет, больше она не даст себя одурачить.

– Что ж, раз ты жива, значит, Вертер умер,– колдун вопросительно поглядел на свою гостью.

У Дали задрожали губы. Небрежно брошенные слова про самого дорогого для неё человека больно резали слух. Этот урод не имел права так говорить про папу, безразлично, как бы походя. Дали почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Вот только не хватало ей сейчас разреваться. Она глубоко вздохнула и вытащила пистолет. Матовая рифлёная рукоятка удобно легла в ладонь, и девушка сразу успокоилась. Она не собиралась ничего обсуждать с колдуном, просто пристрелить его, как мерзкую подлую тварь, чтобы он больше никому не смог навредить. Синеглазый красавчик с удивлением уставился на оружие в её руке, а потом громко расхохотался.

– Ты действительно надеешься меня ЭТИМ убить? – прокаркал он сквозь смех.

Дали прицелилась, задержала дыхание и плавно нажала на курок. Но ещё до того, как пуля вылетела из ствола, мерцающий защитный купол окутал фигуру колдуна. Девушку спасло только то, что она совсем не умела стрелять, и пуля, угодив в самый краешек щита, срикошетила в сторону, не причинив ей вреда. Противный визг рикошета словно сдёрнул пелену непонимания с глаз несостоявшейся убийцы. До неё наконец дошло, с кем она столкнулась. Перед беспомощной девушкой во всём своём могуществе стоял Творец-отступник, про которого она столько слышала в Школе.

Ощущение полной безысходности накрыло бедняжку мутной волной, из её глаз против воли брызнули слёзы. И как же она с самого начала не догадалась, что это Сабин заманил её в ловушку? Наверное, её сбили с толку поддельная седая борода и ласковый голос. Или просто она – доверчивая дуручка, готовая поверить любому проходивцу, стоит только тому прикинуться невинной овечкой. Мелькнула тоскливая мысль, что против брата дяди Антона у неё нет ни единого шанса.

– Деточка,– ничуть не обиделся Творец,– ты знаешь, что только что пыталась застрелить своего родного отца?

От неожиданности Дали едва не выронила пистолет. Она открыла рот, чтобы послать этого ублюдка куда подальше, но не смогла выговорить ни слова.

– Не ожидала? – Сабин откровенно наслаждался её растерянностью. – А почему, ты думаешь, твоя кровь открывает тебе дорогу ко мне? Помнишь, как тебе удалось вытащить меня из стасиса?

Дали сникла, как будто из неё выпустили воздух. Значит, она своими руками, вернее, своей кровью выпустила на волю этого монстра и принесла гибель своему папе. А Амар, её бессмертный демон, был просто приманкой для влюбившейся без памяти девчонки. Он вовсе не любил её, Дали была его заданием. От осознания своей фатальной ошибки девушке сделалось так тошно, что её едва не вырвало. Но Сабин, казалось, даже не заметил, в каком состоянии находится его незваная гостья. А может быть, ему эти сантименты были до лампочки.

– Это я сделал тебя копией женщины, убитой Вертером,– между тем продолжал самодовольно вещать отступник.

– Зачем? – простонала Дали.

– Разве это не ясно? – синие глаза сверкнули из-под густых чёрных бровей. – Чтобы, глядя на тебя, он всю свою жизнь испытывал боль и чувство вины за совершённое убийство, чтобы не сопротивлялся, когда ты его убивала.

Больше всего Дали сейчас хотелось упасть в траву и расплакаться. Но вместо этого она заставила себя спокойно посмотреть в ненавистные синие глаза.

– Ты промахнулся, колдун,– сказала она твёрдо,– мой папа вовсе не мучился чувством вины. Он любил меня. И не потому, что я могла оказаться его бывшей возлюбленной, а просто потому, что он был моим папой. А ещё тебе нужно знать, что эта тварь, которую ты на меня натравил, не убивала моего папу. Он сам себя убил, чтобы спасти меня.

Вот она всё и сказала, больше добавить было нечего. Да и жить дальше тоже не было никакого смысла. Дали подняла пистолет к своему виску, как сделал её отец, и зажмурилась. Но выстрела не последовало. Её палец, лежавший на курке, и вся её рука как будто онемели. Она попробовала пошевелиться, но не смогла даже моргнуть. Сабин подошёл вплотную и вывернул пистолет из её пальцев. Через секунду тот растаял прямо в воздухе.

– Дурочка,– ласково пожурил он самоубийцу,– это же не мир Творца, это альтернативная базовая Реальность. Если ты здесь умрёшь, то отправишься на перевоплощение.

Онемение спало, и Дали без сил опустилась на траву. Сабин уселся рядом и заглянул ей в глаза.

– Ты мне очень нравишься, деточка,– проворковал он,– ты смелая и упёртая. Из тебя выйдет толк, нужно только время. Я спрошу тебя один-единственный раз. Пожалуйста, подумай хорошенько, прежде чем ответить. От твоего ответа зависит твоя жизнь. Ты готова остаться со мной и стать Творцом лет через десять-двадцать?

– Я тебя ненавижу, урод! – Дали постаралась вложить в свои слова всю свою боль и тоску по погибшему отцу.

Ей очень хотелось сделать так, чтобы этому холёному мерзавцу тоже стало хоть немного не по себе. Похоже, ей это удалось. Сабин поднялся на ноги и отвернулся к огню.

– Хорошо, что тебе достало глупости явиться сюда одной,– от его голоса повеяло холодом, как от могилы. – Мне жаль, но ты для меня опасна, потому что твоя кровь всегда откроет дорогу ко мне. Я не могу тебя просто отпустить.

Дали ещё успела поднять голову и посмотреть на фигуру Сабина, внезапно выросшую почти до неба. А потом её сознание померкло. Следующее, что девушка увидела, была ванная в её квартире. Она опять потеряла контроль над своим телом и только могла безвольно следить за тем, как её рука открывала кран с горячей водой. Потом её тело само улеглось в воду прямо в одежде. Откуда-то в её правой руке оказался кухонный нож. Одно резкое движение, и вены на её левой руке оказались перерезаны, а бедняжка даже не смогла закричать. Только слёзы выступили на её глазах и покатались по щекам, смешиваясь с красной водой. Она упорно сопротивлялась, пытаясь сбросить с себя губительное оцепенение, хотя и понимала, что с Сабиним ей не справиться. И всё же Дали боролась до конца. Убийца отпустил сознание своей жертвы, только когда жизнь уже почти покинула её тело, и всё, на что у неё ещё хватило сил, это наконец закрыть глаза.

Часть 2. Палач

Девочка с большим розовым бантом была удивительно хорошенькой, именно такой, как он в тайне надеялся. Тонкие и выразительные черты лица, чётко очерченные розовые губки, глаза цвета бирюзы и тёмно-каштановые гладкие волосы, заплетённые в две смешные косички. Детские пухлые щёчки немного портили эффект, но это пройдёт, ей ведь ещё нет и семи. Девочка не отличалась высоким ростом, особенно, по сравнению с акселератами – сверстниками. И это пауку тоже понравилось, тем более, что, несмотря на миниатюрность, самоуверенности ей было не занимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.